

АРНАУТОВА ДАНА

ОТРАЖ
МОРСКОГО ПРИНЦА

18+

Дана Арнаутова

Страж морского принца

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Арнаутова Д.

Страж морского принца / Д. Арнаутова — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

Вот уже триста лет люди и Морской народ избегают друг друга. Но воительница Джад бросается в море за перстнем своего господина, а принцу Алестару законы не писаны. Обезумев от потери первой любви, принц решает сорвать зло на человеческой девушке, не зная, что попадет в ловушку собственной крови. Русалы-иреназе выбирают пару однажды и на всю жизнь — не зря отец предупреждал Алестара никогда не касаться человека. А пока в глубинах моря Джад бьется в сетях ненавистной страсти, на ее пленителя открывают охоту те, кто хочет погубить и Морской народ, и королевство людей. Только любовь и верность могут спасти таинственное Сердце моря от предателей на земле и в морских глубинах. Но как теперь принцу добиться прощения той, которую смертельно оскорбил? Сможет ли гордая жрица бога войны простить того, кто умрет без ее любви?

Содержание

ГЛАВА 1. ПЕРСТЕНЬ АУСДРАНГОВ	5
ГЛАВА 2. ЦЕНА ЧУЖОГО КОРОЛЕВСТВА	11
ГЛАВА 3. ТАЙНА КОРОЛЕВСКОГО ДОМА АКАЛАНТЕ	16
ГЛАВА 4. ЧЕСТЬ И СЛОВО АУСДРАНГОВ	23
ГЛАВА 5. О ЧЕМ МОЛЧАТ ЛЕГЕНДЫ	31
ГЛАВА 6. СЛАДОСТЬ И ГОРЕЧЬ ЗАПЕЧАТЛЕНИЯ	37
ГЛАВА 7. ГЛАВНАЯ НАЛОЖНИЦА ЕГО ВЫСОЧЕСТВА	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дана Арнаутова

Страж морского принца

ГЛАВА 1. ПЕРСТЕНЬ АУСДРАНГОВ

– Джаид!

Страх в голосе Торвальда не подошёл принцу крови. Но кто сказал, что все принцы – отменные воины? Торвальд и так делал, что мог, прикрывая ей спину. Резко выдохнув, Джаид подалась вперёд, рискованно пробила прямой удар – острое с мокрым хрустом вошло в грудь противника. Крутнувшись, отбила меч от Торвальда. Принц прыгнул в сторону, чтобы не мешать, и Джаид осталась один на один с чернявым верзилой в красно-синем – гербовых цветах изменника Лаудольва. Верзила оказался хорош, даже слишком. Ухмыльнувшись, он переброшил клинок из правой руки, по предплечью которой стекала струйка крови, в левую. Обоерукий, значит. Джаид ответила усмешкой, также меняя руку: с левой драться правой именно что не с руки. Продолжая улыбаться, шагнула вперед, ловя неуверенность в метнувшемся взгляде противника. Ну, давай же! Или ты всерьёз считал, что Торвальд взял в охрану обычную девку, а твои соратники сами напоролись на меч?

– Жи, быстрее!

Под руку зачем? Клинок верзилы царапнул локоть Джаид, чуть не задел бок. Обратным выпадом она увела меч, развернулась на носке, отклонилась всем телом.

– Жи!

Выпад. Удар. Звон клинков. И еще... Плохой выпад, грязный. Совсем не достойный мастера меча. Только вот у мастера пятый противник за полчаса. Джаид закусил губу, качнулась вперед. Подставляясь под удар, все же выиграла пару ладоней расстояния – и достала острием. Хрипя и бессмысленно зажимая руками горло, верзила рухнул наземь, между пальцами сочилась кровь, пятнала плащ, капала на серые камни утеса.

Развернувшись, Джаид кинулась к Торвальду. Тот успел отойти шагов на десять. Там, у самого обрыва, все еще пыталась подняться его кобыла, сломавшая при падении спину, и двое королевских стражников изрубленными куклами лежали на земле в багряных лужах. Фыркали от запаха крови и внутренностей остальные лошади, наспех привязанные к кустам. А на обрыве, напротив бессильно сжимающего кулаки Торвальда, стоял, высоко подняв руку, сам Лаудольв. В потоке ликующего летнего солнца далеко виднелась его знаменитая рыжая борода и растрёпанные рыжие с сединой патлы. Ухмылялся окровавленный рот, но по слипшейся бороде стекали тёмные струйки. Торчала между рёбер обломанная стрела – глубоко и надежно. Не быть Лаудольву королем... А в пальцах окровавленной, как и рот, руки сиял, горел маленьким пламенем рубин золотого коронационного перстня – главной реликвии рода Аусдрангов.

– Не-е-ет, – простонал Торвальд, делая единственный шаг вперед.

Этого шага хватило. Размахнувшись, Лаудольв вложил последние силы, повернулся – только золотая вспышка мелькнула над обрывом, потерявшись в белопенном прибое. И сразу же мятежный герцог, словно жизнь его улетела вместе с похищенным перстнем, осел на песок мертвой грудой. Торвальд опустил плечи, поник. Джаид, вытирая клинок, подошла, встала рядом. Убирая меч в ножны, украдкой залюбовалась тонким профилем своего принца, прекрасного даже сейчас: усталым, отчаявшимся, почти поверженным. Да, глупо вышло. Лучше бы Лаудольв ушёл с перстнем: больше был бы шанс добыть его потом. Да она бы наизнанку вывернулась, но догнала проклятого герцога и вернула бесценное кольцо! В горле стоял ком от бессильной жалости и обиды на судьбу, столь неласковую к её любимому.

– Все погибло, Джи, – прошептал Торвальд. – Без кольца я просто не успею...

Повернувшись, он обнял Джад, и она с готовностью подалась навстречу, прижалась, закинув руки на широкие плечи под тяжёлой кольчужной курткой, что едва не силой заставила принца надеть перед погоней. Вдохнула родной запах от влажных светлых волос и разгорячённого тела, замерла, думая, что без проклятого кольца коронация невозможна, а совет и без того ищет малейшую возможность, чтоб назначить Торвальду регента. При котором он вряд ли доживет до собственного правления.

– Надо доставать, – сказала она вслух, мягко отстраняясь.

– Как? Ты обрыв видела?

– Вот сейчас и посмотрю.

Джад подошла к краю утеса, крутым откосом уходящего в море. Да, жутковато, конечно. Раз в двадцать выше ее роста. Хотя, может, это сверху все так страшно? Только вот спуститься к морю никак. Разве что спрыгнуть. Положим, спрыгнуть она не побоится – не зря выросла у моря в горах – но дальше-то что? Если дно пологое, перстень найти можно, только следует поторопиться, пока не начался отлив. А какая там глубина? Хватит ли воздуха? И сколько раз придется нырять...

– Надо возвращаться за людьми, – ответил на ее мысли Торвальд, придя в себя и начиная мыслить, как принц. – Послать ныряльщиков да побыстрее. Хвала богам, что у меня есть морской ключ.

– Что есть?

– Морской ключ. Амулет, позволяющий дышать под водой. Ты разве не слышала о таких?

– Нет.

Джад снова глянула вниз. Дышать, значит? Интересно.

– И как он работает? Можно достать несколько штук для ныряльщиков?

– Ну, что ты, – слегка рассеянно улыбнулся Торвальд. – Это редкость. Ключ в нашем роду передается из поколения в поколение. Когда-то таких было много – он вытащил из-под рубашки аквамаринный кулон – но мы тогда еще дружили с иреназе.

– Иреназе... – медленно повторила Джад, глядя поверх плеча своего принца на море. – А они не могут помочь? Это ведь их владения?

– Их. Но даже если Морской народ согласится, то пока их найдешь, пока упросишь... Да и откажут скорее всего, они людей не любят.

– А перстень тем временем утащит отливом или занесёт песком в прилив, – подытожила Джад. – Давай сюда амулет.

– С ума сошла?

Серые глаза Торвальда широко раскрылись то ли в испуге, то ли в восхищении. Нагло пользуясь тем, что и вправду никого живого рядом не оказалось, Джад взъерошила мягкие русые волосы принца, так не похожие на ее собственные – жесткие, непослушные, иссиня-черные – снова прижалась к широкой груди, подняла губы навстречу поцелую. А потом, с трудом оторвавшись, как ни молило истосковавшееся по ласке тело еще немного понежиться, сняла с шеи Торвальда амулет, покрутив перед глазами прозрачный зелено-голубой камешек на тонкой серебряной цепочке. Сколько раз его видела на обнаженной груди принца, а спросить про недорогую на вид странную безделушку в голову не пришло.

– Как работает? Просто надеть? И надолго его хватает?

– Просто надеть, – растерянно подтвердил Торвальд. – И он бесконечный. Только снимать под водой нельзя. Я маленьким в пруду замковом баловался... Джи, может, не надо? Опасно... Вдруг иреназе... Да и как ты спустишься?

– Как-нибудь, – старательно улыбнулась Джад. – Ничего, я постараюсь быстро. Ну, если задержусь, то возвращайся в город, а сюда пришли кого-нибудь. С лошастью, сухой одеждой и флягой вина.

Не обращая больше внимания на пытавшегося сказать что-то Торвальда, она отстегнула перевязь с мечом, сбросила тяжёлую, прошитую железными пластинами куртку. Кинжал на поясе оставила – вдруг придется резать заросли на дне. Подойдя к самому краю утеса, пригляделась к морю. Лазурно-блестящая вода, сияющая на солнце мелкой серебряной рябью, у берега кудрявилась белоснежными барашками. Сверху они выглядели совершенно безобидными, но Джад знала, что прибой коварен. Солёный морской воздух пах водорослями и рыбой, а казалось, что это запах крови. Может, и не казалось, вон – сколько трупов за спиной. Гоня глупые предчувствия, она примерилась. Если прыгать – то во-о-он туда! Там сравнительно спокойное местечко без бурунов, где вряд ли окажется подводная скала. Ну, а не повезёт – так не повезёт. Жрица Малкависа всегда должна быть готова предстать перед ним, если пришло её время. Главное, Торвальд ей верит, и не оправдать это доверие – хуже смерти.

Оглянувшись, она ободряюще улыбнулась замершему в нескольких шагах принцу. Отошла от края, разбежалась и, что было сил, оттолкнулась от ровного, будто ножом обрезанного камня скалы. Несколько мгновений полета показались долгими, словно время растянулось, как янтарно-золотая смола, падающая с дерева тягучими каплями. Только море несло ей навстречу, заставив сердце замереть в восхищённом ужасе, как бывает во сне, когда летишь с высоты. А потом она вошла в воду, не успев по-настоящему испугаться даже в последний миг, когда прохладная зелено-голубая твердь упруго приняла в свою толщу. Только подумалось, что если все же скала – и понять ничего не успеет...

Но скалы там не оказалось. Было лишь море: шелковисто-неподатливая плотная вода, что в этот раз вела себя как-то странно. Сразу уйдя на глубину, Джад развернулась, думая, что зря выбросила тяжёлый меч – и поняла, что вода не выталкивает наверх. И вообще не такая уж она и упругая, как всегда казалось. Можно опуститься вниз, просто повернувшись и поплыв, куда надо. А еще всё подозрительно хорошо видно: никакой обычной расплывчатой мути... Амулет?

Воздуха уже не хватало. Глянув наверх, Джад увидела не так уж далеко солнце, просвечивающее верхний слой моря насквозь. Успеет выплыть, если что. Сжала ладонью аквамарин, болтающийся на шее, подвязала шнурок покороче, чтоб не потерять. И осторожно втянула немного воды.

Всплывать не пришлось. Вода вошла в лёгкие гораздо тяжелее, чем воздух, так что на несколько мгновений всё внутри загорелось. В груди словно вспыхнуло маленькое солнце, не ласковое, а злобно-палящее, от него жар кипятком потек по венам... Джад согнулась от боли, опускаясь на песок, пред глазами поплыли огненные искры. Неужели Торвальд каждый раз так терпел? Но спустя несколько мучительных вдохов и выдохов боль ушла, дышать стало легче, почти как на земле, и она смогла привстать с песка и оглядеться.

Волны остались где-то далеко наверху: незаметно она отплыла от берега куда дальше, чем прыгнула, и теперь стояла возле высокой темной скалы, которая, впрочем, вряд ли достигала поверхности воды. Иначе сверху ее было бы видно. Поморгав, чтоб очистить глаза и приспособиться к новому зрению, Джад глубоко вдохнула и выдохнула, замерев от невероятной красоты, раскинувшейся вокруг.

Солнечный свет, падая сквозь водяную толщу, окрашивал подводный мир зеленью, но не резкой, а приглушённой, с явным голубоватым оттенком, похожим на аквамарин, болтающийся на шее. Амулет сделал пространство вокруг ясно видимым для человеческого зрения, и теперь Джад словно стояла среди огромного куска зеленоватого стекла, уходящего в неизмеримые дали. Под ногами ровным слоем расстился обычный морской песок, серовато-желтый, с блестящими крупинками, среди которых попадались мелкие камешки самых разных цветов: солнечно-жёлтые, тёмно-коричневые, серебристо-серые, белоснежные, охристые, кремовые. Местами из дна торчали пучки даже на вид жёстких водорослей, будто покрытых мел-

кими иголками. А другие, напротив, выглядели толстыми и сочными, бугрясь на редких крупных камнях зелёными лепешками.

Вот промелькнула мимо стайка крохотных рыбёшек, сверкая, словно серебряные блёстки на платье придворной красавицы. Пара рыбин побольше, отливая золотисто-изумрудным, проплыла медленно и важно, едва шевеля плавниками и тараща любопытные выпученные глаза. А еще немного вдалеке виднелись скалы, покрытые водорослями, точно густым изумрудным мехом, и Джад никогда не видела наверху такого сочного, богатого цвета зелени. Разве что в самом начале весны, когда пробивается из земли первая нежная травка и разворачиваются почки, одевая деревья в зеленый атлас и бархат. Но летом под жаркими лучами солнца зелень быстро грубеет и выгорает, здесь же, внизу, наверное, вечная весна, хоть и сумеречная.

Да, подводный мир оказался прекрасен. И чем дальше, тем сильнее хотелось им любоваться, высматривая все новые и новые чудеса, но прыгнула-то она не за этим. Поведя плечами, Джад попыталась хоть примерно определить течение. Прохладно, кстати. Вода отнимает тепло куда быстрее воздуха. Надо поторапливаться. Здесь наверняка стемнеет раньше, чем наверху – и попробуй тогда найди перстень. А еще иреназе – Морской народ, который с живущими на суше давно не в ладу. Торвальд говорил, что лет триста назад, после Великой Волны, погубившей неисчислимое множество людей, они разорвали все договоры, объявив морские глубины запретными для ныряльщиков, а некоторые области моря и для кораблей. Так что стоит поторопиться. Где же тут течение?

Настоящего течения не обнаружилось. Но вода словно закручивалась вокруг странной тёмной скалы, и Джад поплыла к ней, рассудив, что откуда-то все равно надо начинать. Проплыв каменного столба толщиной в несколько человеческих обхватов, она поняла две вещи. Во-первых, скала была чем-то важна для жителей моря: всю её поверхность покрывала грубая резьба, на вид казавшаяся очень древней: странные лица, полурыбы-полулюди, непонятные знаки... А во-вторых, искать на бесконечном морском дне маленький перстень – такая глупость могла прийти в голову только ей.

Не сдаваясь из чистого упрямства, Джад проплыла мимо скалы к берегу и назад – гребков по сто. Дно было совершенно чистым, если только перстень не завалился в куст водорослей. На всякий случай она добросовестно обшарила все встреченные кусты и оглядела крупные камни. Поняла, что стоит отплыть на десяток шагов в сторону – и можно начинать все сначала. А потом еще и еще... И вообще, почему бы тут просто не поселиться? Дышать получается – она уже и забыла о неприятных поначалу ощущениях – рыбы для еды наловить не велика сложность. Да и всплыть, наверное, можно, а потом опять спуститься...

Но как же больно и несправедливо. Все эти смерти сегодня, как и многие до них, оказались напрасны. Если Торвальд не взойдёт на трон, его попросту убьют или изгонят: кому нужен сын чужеземной принцессы, чей род был свергнут вскоре после её свадьбы с отцом Торвальда? Ни связей, ни поддержки влиятельной родни в других королевских домах. А бароны Аусдранга сильны и вовсе не хотят подчиняться молодому королю.

Вернувшись к скале, она присела на небольшой, мохнатый от водорослей камень, чувствуя себя ужасно неловко в мешковатых, таких удобных на суше штанах и рубашке. Не то чтобы они сильно мешали, но все же пузырились, наполняясь водой и сковывая движения. Так что рубашку, подумав, Джад стянула и сунула под камень, чтоб не уплыла, оставшись в узкой нагрудной повязке, а штаны закатала повыше, почти до колена. Сапоги оставила, потому что камни в песке попадались и острые. Подняла глаза от дна – и обомлела. На небольшом выступе скалы, зацепившись за бурую жёсткую веточку, корнями уходящую в глубокую щель, блеснул королевский перстень. Ровное золотое сияние, кровавый огонек! Рванувшись, Джад кинулась вверх, с непривычки загребая слишком размашисто, сбила перстень ладонью, вместо того чтоб схватить пальцами, успела выругать себя за неуклюжесть...

Но перстень упал на чистый песок шагах в трёх от каменного столба, блестя все так же заметно – подойди и возьми. Джад оттолкнулась от скалы, возле которой так и висела в водяной толще, стала медленно опускаться...

– Так-та-а-а-ак... Двуногие, я смотрю, обнаглели...

Услышать на морском дне человеческий голос? Не веря ушам, Джад порывисто обернулась. Как вообще можно разговаривать в воде? Или слышать... Неважно, впрочем. Потому что она все-таки нарвалась на встречу с иреназе, о которых в маленьком прибрежном королевстве Аусдранг рассказывали столько страшных сказок. В них Морской народ неизменно представлял склочным, мстительным, жестоким и подлым. Наверное, не зря?

Иреназе было трое. Они полусидели-полулежали на спинах каких-то огромных сероватых рыб, напоминающих акулу. Только морда, затянутая в ремни наездничьей сбруи, была другой, да на спине виднелась глубокая выемка для седла странной формы. Ну да, иреназе же хвостаты. Неудобно им было бы в обычных седлах. Все это пронеслось в голове мгновенно, пока Джад разглядывала медленно подплывающих морских всадников и понимала, что уйти не удастся. Такая «лошадка» в воде догонит в два счета и пополам перекусит. Да и всадники вооружены. У тех, что по краям, в руках виднелись массивные копыя-трезубцы, и литые мускулы обнаженной груди и рук ясно показывали, что оружием обитатели моря владеют умело. Одеты эти двое были только в набедренную повязку между мускулистым торсом и длинным серебристым хвостом, лишь на предплечьях массивные браслеты из темно-красного металла оттеняли светлую кожу, да ремни на рыбконых поблескивали широкими накладками-щитками – явно не столько для красоты, сколько для прочности и защиты. Стража – по внимательному взгляду и спокойно-настороженным лицам сразу видно. Третий, посредине, блистал позолоченной сбруей своей рыбы так, что удивительно было, как Джад его изда-лека не заметила? Видно, выплыли во-о-он из-за того подножия скалы. Но быстро как!

– Ты заплыла в запретные воды, двуногая, – насмешливо сказал средний, встряхивая головой, так что длинные огненно-рыжие волосы, собранные на затылке в хвост, потоками заструились в морской воде.

Стража, как и положено, хранила молчание. Джад вздохнула, надеясь, что всё ещё удастся решить миром. Везёт ей сегодня на рыжих, однако. И, оказывается, иреназе так похожи на людей, что если б не хвосты, можно было бы спутать. Разве что скулы выше да черты лица резче. И глаза светятся, как драгоценные камни. У одного так уж точно. Того, что посредине, рыжего. Рыжий был красив. Молочно-белая кожа, гладкая и нежная, без малейшего намека на пушок усов или бороды, ровно очерченные, слегка пухлые губы, длинные золотые ресницы над синими колодцами глаз. Слишком красивый для земного мужчины, но и с девушкой не перепутать: подбородок решительный, шея и плечи тоже совсем не девичьи.

А вот стражники темноволосы, и волосы заплетены во что-то сложное, прилегающее к голове... И на шее с двух сторон у каждого – узкие щели, как жабы у рыб. Джад поспешно опустила глаза, чтоб не выглядеть дерзко, рассматривая хозяев моря.

– Прошу прощения, благородный господин... – слова слетали с языка почти так же легко, как на суше, и вода не лезла в рот. Магия, конечно... – Я не знала, что эти воды запретны, и никого не хотела оскорбить своим присутствием.

– Ты не рыбацка, – удивленно протянул рыжий, одним движением выскользнув из седла и почти сразу оказавшись гораздо ближе. – Учитывая речь, да и не похожа на местных двуногих. Кожа смуглая, глаза и волосы чёрные. Я таких ещё не видел...

– Я приехала в Аусдранг издалека, благородный господин, – насколько могла вежливо поклонилась Джад. – Простите, что нарушила покой вашего моря...

Перстень так и поблескивал на песке между ними, Джад с бессильной злостью смотрела, как один из телохранителей подводного дворянина тоже скользнул с рыбы и подплыл к нему, едва шевеля хвостом. Второй остался в седле, покачивая трезубцем.

– И не просто нарушила, – медленно и мягко сказал рыжий, глядя на Джад в упор. – Ты осквернила святое место кровью и украла подношение. Любого из этих преступлений хватит для осуждения на смерть.

– Кровь? Подношение?

Джад недоуменно глянула на скалу, потом на себя. Действительно, от локтя, задетого приспешником Лаудольва, тянулась едва заметная кровавая муть. Морская вода разъела не успевшую схватиться ранку – а боль она, видно, и не заметила, пока в муках училась дышать водой вместо воздуха. Теперь вот щиплет... Подношением же иреназе посчитали перстень. Паршиво-то как! Никто не любит святотатцев.

– Прошу прощения, благородный господин, – поклонилась она снова, – вышла ошибка. Это не подношение. Один из врагов моего господина, принца Торвальда Аусдранга, кинул в море принадлежащую принцу вещь. Она случайно попала сюда, и я никоим образом не хотела осквернить святое место. Прошу, позвольте мне забрать то, за чем я пришла, и покинуть ваши воды.

– Вот это забрать, я полагаю? – прищурился рыжеволосый на перстень. – Дару, подай!

Джад стиснула зубы, чтоб не ляпнуть лишнего. Иреназе повертел поданный телохранителем перстень в руках, презрительно скривил яркие губы.

– Грубая работа. Я бы такое и младшей наложнице не подарил. Разве что служанке, разок уложенной на песок. Но раз твой хозяин послал тебя за такой никчемной безделушкой, то либо он совсем тебя не ценит, либо она дорога ему чем-то еще. Чем же?

– Эта вещь давно хранится в их роду, – осторожно сказала Джад, понимая, что обмолвиться о настоящей ценности кольца – страшная глупость. Еще хуже, чем натворила она, опустившись за перстнем сюда.

– Древний? Тогда понятно, почему так паршиво сделан, – усмехнулся рыжеволосый, надменно откидывая назад голову. – Что ж, я люблю смелость. Не оскверни ты святое место, может, отдал бы и так. Но тебя надо наказать, двуногая. Просто чтоб другим было неповадно...

Рука Джад сама потянулась к кинжалу. Не позволяя себе ещё и этой глупости, она все-таки едва заметно дернулась – и увидела направленные на неё трезубцы. Меч рыжеволосого так и остался в богато украшенных ножнах, перевязью для которых как раз и служила набедренная повязка. Действительно, зачем вытаскивать оружие, если рядом охрана?

– Как же вы собираетесь сделать это? – бесстрастно спросила Джад, мучительно сожалея, что оставила меч наверху. Под водой ей с иреназе не тягаться, да еще с тремя, но к предкам кого-нибудь с собой прихватила бы. Да, жаль, что нет меча – кинжалом много не повоюешь. А еще больше жаль, что Торвальд не дожидается перстня. И саму Джад вряд ли дожидется, а верный человек ему сейчас особенно нужен.

Подводная тишина ударила по ушам внезапной глухотой, словно Джад только сейчас заметила ее. Охранники-иреназе смотрели совершенно бесстрастно, ни следа чувств не мелькнуло на широкоскулых лицах, будто вырезанных из светлого камня. Только руки предупреждающе застыли на рукоятях трезубцев, да рыбы недовольно покачивали мордами, совсем как норовистые лошади, пытаясь скинуть сбрую. Вода вдруг показалась холодной – или это просто её саму пробрал озноб. Ну, что же он медлит, глубинник проклятый? Что задумал? На тех, кого просто хотят убить, так не смотрят. Джад невольно попыталась шагнуть назад, подальше от этого тяжелого надменного взгляда.

ГЛАВА 2. ЦЕНА ЧУЖОГО КОРОЛЕВСТВА

Рыжеволосый неторопливо оглядел её от макушки до кончиков сапог. Медленно, нагло, выжидающе. Снова поднял к лицу Джаид ярко-синие, холодно сверкающие глаза, так же лениво разомкнул губы:

– Что ж, так себе, но на разок сгодишься. Раздевайся.

– Что? – выдохнула Джаид.

– Я же сказал, что подарил бы такой перстень за один случайный раз, – усмехнулся иреназе. – Так тому и быть. Двуногих у меня ещё не было, так что можешь гордиться честью доставить мне удовольствие первой из вашего народа.

– Вы, наверное, не очень много знаете об обычаях людей, – вымолвила Джаид сведёнными от ярости губами. – У нас подобное не принято.

– А что у вас принято делать с теми, кто оскорбляет святыни? – с интересом спросил рыжеволосый мерзавец, шевельнув хвостом, чтоб удерживаться на плаву. – У нас их казнят сдиранием кожи. Или отдают заживо на съедение крабам. Это лучше того, что требую я?

Улыбнулся, весело и зло. Поймал неправдоподобно, нечеловечески яркими глазами взгляд Джаид, скривил презрительно губы.

– Это ты не слишком много знаешь об обычаях иреназе, двуногая. Ты явилась на наши запретные земли сама, не прося позволения и не принеся даров. По нашим законам ты собственность того, кому первой попадёшься. И не на один раз, а пожизненно. Благодарю богов, что у меня сейчас нет желания заводить новые игрушки. Так что можешь выбирать: ляжешь со мной сама или тебя уложат силой.

Отступив на шаг, Джаид положила руку на рукоять кинжала. Оценила расстояние до трезубцев, угрожающе качнувшихся с двух сторон. Да, от обоих сразу не увернуться. Разве что упасть? Но быстро двигаться в воде сложно, много времени этим не выиграть, а потом все равно добьют. Значит, просто кого-то надо ударить первым. Выбор несложный – если кого и стоит прихватить на ту сторону жизни, то лучше всего рыжую тварь с медовым голосом. Интересно, как кидать кинжал в воде? Похоже – никак. Только ближе подобраться...

– Не советую, – ласково уронил иреназе, правильно оценив её взгляд. – Если даже чудом хотя бы поцарапаешь меня, об этом пожалеет все побережье. Я Алестар, принц дома тир-на-Акаланте, сын владыки воды и дна от этого побережья и до Белых скал Миралайна. Пролить мою кровь, да ещё у святыни... Не пройдет и луны, как прибрежные деревни двуногих будут стерты с лица земли, рыба на столах ваших высокородных станет источать яд, и ни один корабль больше не подойдёт к берегу и не выйдет из гавани. Подумай хорошенько, хочешь ли ты этого. Не говоря уж о том, что сделают лично с тобой, когда поймают.

Наверное, он врал. Чтобы принц морского народа плавал в сопровождении всего двух охранников? Но разве Торвальд не мотался на охоту с одной лишь Джаид да парой егерей? Это не далекий Уруакан, где правящая особа столь священна, что не может ступнёй коснуться земли. Да если даже врёт. Рисковать таким – нет уж... Если есть хоть одна возможность, что проклятая хвостатая тварь говорит правду – её, Джаид, жизнь не стоит такой беды. А стоит ли честь? Она, конечно, дороже жизни, но ни в чём неповинные жители королевства...

– Позвольте мне просто уйти, – смиренно попросила она, опуская глаза и старательно пряча злость. – Прошу вас, ваше высочество...

– Это уже лучше, – подтвердил иреназе. – Похоже, ты легко дрессируешься. Только у меня сегодня нет настроения спорить и уговаривать. Ложишься на песок сама – получаешь свободу и перстень. Я сегодня дивно добрый. Будешь упираться – велю своим стражам разложить силой и все равно позабавлюсь. А потом отдам им. Дару!

Тот, что был рядом, отплыл немного в сторону и выше. Теперь Джад оказалась в треугольнике. Скалили острые зубы рыбыны иреназе, то ли чуя кровь, то ли просто не желая плавать на месте. Блестели трезубцы, отполированные, острые, с длинными рукоятями и широкими лезвиями. И улыбался с высокомерной издёвкой в нечеловеческих сапфировых глазах рыжеволосый принц морского народа, зная, что добыче некуда деваться.

Видимо, наскучив ждать, он махнул рукой стражам, медленно двинувшимся в сторону Джад, едва шевеля хвостами.

– Не надо, – проговорила Джад, с трудом разжав стиснутые зубы. – Я сама...

Меч! На несколько минут бы... А еще лучше – короткое тяжёлое копьё, каким бьются на севере. Но кровь проливать нельзя... Ловушка. Она сама себя загнала в ловушку... И уже не в перстне дело! Но это что же? На глазах у стражи? Ну, у них и нравы тут под водой.

– Пусть они отвернутся, – с бессильной злостью попросила Джад, с отвращением услышав свой дрогнувший голос.

– Они моя охрана, – холодно откликнулся иреназе. – Им плевать на тебя, можешь об этом не беспокоиться. Раздевайся, я хочу посмотреть.

Отстегнув кинжал, Джад уронила его на песок.

– Откуда мне знать, что потом я смогу уйти?

Рыжеволосый пожал обнажёнными, блестящими, будто от масла, плечами.

– Кому ты нужна? Двуногие все равно здесь не живут. Разве что в таком вот амулете, но на это следует получать дозволение владыки. Не бойся – отпущу. Даю слово.

– А слово, данное человеку, чего-то стоит? – угрюмо поинтересовалась Джад, нехотя кладя ладонь на пряжку пояса.

– Мое слово – честь всего моря, – надменно бросил иреназе. – Не тяни, двуногая. Я и так тебе уделю больше внимания, чем ты стоишь.

Джад на мгновение закусила губу, уговаривая себя. Щеки так пылали от стыда, что было даже странно, почему море рядом еще не закипело. «Это всего лишь бой, – отчаянно сказала она себе. – Бой, в котором ты проиграла. Теперь придется потерпеть, как бы ни было больно и стыдно. Нужно принести перстень Торвальду – остальное неважно. Ничего не важно, кроме цели, так тебя учили, помнишь? И потом... Торвальд об этом не узнает. Моему принцу совершенно не надо знать, какой ценой исполнен его приказ. Достаточно, что я его выполню – и Торвальд станет королем».

Пояс плавно опустился на песок рядом с кинжалом, пройдя через плотную воду куда медленнее, чем упал бы в воздухе. Наверное, стоило не отстёгивать кинжал, но какая теперь разница? Ей и взяться за оружие не дадут. Охранники принца смотрели на Джад совершенно непроницаемыми глазами, зелёными, но не ярко-прозрачными, как у их господина, а словно выточенными из тёмного шлифованного змеевика. Так смотрели, будто она преграда, которую нужно отодвинуть с пути, чтобы пройти дальше. Ну, если их принц частенько так развлекается, заваливая кого попало, то им не привыкать...

Джад обернулась, глядя на скалу. Кровь проливать здесь, значит, нельзя. А такое вот – можно? От страха и стыда ее затошнило, к горлу подкатился ком, руки дрожали – едва заметно, но она вцепилась пальцами в край штанов, чтоб скрыть это, и никак не могла себя заставить развязать шнурок. Да что с ней? Подумаешь – несколько минут потерпеть. Она ведь давно не девица, жрицам Малкависа дозволены любые удовольствия плоти, и никто не вправе их упрекнуть. Но вот так вот, силой? Как же мерзко! Мерзко от собственной беспомощности, от того, что чуть ли не впервые в жизни она совершенно ничего не может сделать. Наставники говорили, что редкая женщина за свою жизнь избегает насилия, но Джад всегда думала, что уж её-то это не может коснуться. С её умением, ловкостью и покровительством великого бога... Но оказалось, что грубая сила троих ублюдков и морская глубина, из которой не сбежать, выше всего её отточенного мастерства!

Отстегнув с пояса тяжёлый меч и отдав его стражнику, иреназе несколькими взмахами хвоста подплыл совсем близко. Глянул в лицо Джад. Протянул руку и кончиками пальцев прошелся по щеке, потом вниз, по шее к холмику напрягшейся груди. Джад невольно отшатнулась, словно её коснулась ядовитая скользкая гадина.

– Не дергайся, – процедил иреназе. – Ты моя, пока не отпущу.

Подтверждая, провел ладонями по бокам Джад вверх, сдернул нагрудную повязку и погладил соски, не обращая внимания на её отвращение, шевельнул хвостом, взбурлив воду вокруг них.

– Снимай остальное.

Станный у него был голос: вроде бы равнодушный, но под этой сдержанностью слышалась ледяная злость и желание. Не то желание, которое Джад привыкла видеть в мужских глазах, не плотская страсть, иногда обидная или противная, но понятная. Принц иреназе смотрел на нее так, словно больше всего на свете хотел бы не взять, а причинить боль, растоптать, уничтожить... Словно видел не ее, а кого-то другого. И ненавидел этого кого-то, как злейшего врага!

Снова закусив губу так, что боль мгновенно привела в себя, Джад распустила шнуровку, стянула с бёдер непослушную мокрую ткань, оставшись обнаженной. Помогая себе ногами, скинула сапоги, а за ними окончательно избавилась от штанов. На, смотри, тварь хвостатая!

В висках билась кровь, скулы сводило от бешенства и тяжелой ненависти. И когда властные наглые ладони легли на ее тело, Джад просто стиснула зубы, уговаривая себя потерпеть. Ради Торвальда...

Наконец, взбив хвостом волну, иреназе отплыл. Джад, распластанная на песке, уткнувшись в него лицом так, что кровь на прокушенной губе мешалась с песчинками, понимала, что надо встать. Встать, одеться, забрать обещанное. Но подняться не могла. Её трясло, перед глазами плавали кровавые круги и полосы, а пальцы, сведенные судорогой, впивались в песок. Гадина! Тупая, наглая, мерзкая тварь!

– Так понравилось, что хочешь продолжения? – поинтересовался сверху ненавистный голос.

Снова закусив и без того кровоточащие губы, Джад неуклюже поднялась. Выпрямилась, чувствуя, как от морской воды с каждым мгновением сильнее саднит между ног. Посмотрела в ледяную синеву полупрозрачных глаз. И увидела, как исчезает усмешка с губ иреназе. Покачиваясь, словно пьяная, глянула на перстень, так и красовавшийся все это время на пальце морского принца. Весь мир вокруг сжался до размера золотого ободка, а кровь перед глазами... Что ж, это всего лишь рубин в королевском кольце.

Иреназе молча стянул перстень с длинного белого пальца, швырнул к ногам Джад на песок. Она так же молча натянула слипшиеся штаны и рубашку, на пояс только посмотрела – сил нагибаться за ним, а потом тянуть на себя ничемный кусок кожи совершенно не было. Кинжал, может, и взяла бы, но трезубец того из стражей, что так и висел рядом, качнулся предупреждающе. Ну и демоны с ним, с кинжалом. Вместо него Джад подобрала перстень. Взяла в руки золотое гладкое кольцо, мрачно сверкнувшее кровавым, зажала в исцарапанной камнями и осколками ракушек ладони. Отступила на шаг, глянула на принца.

Тот парил в воде неподвижно, только рыжая грива, сколотая чем-то на затылке, струилась по течению: золотистые нити, по цвету в точности, как кольцо Торвальда, распустились в воде мерцающим ореолом. Наверное, это было даже красиво. Да он и был красив, этот огненноволосый, синеглазый принц морского народа, красив от надменно изогнутых темно-золотых бровей на чистом высоком лбе до кончика хвоста, раскрывающегося роскошным серебряным веером. Красив, как влажно-яркие, разноцветные ядовитые твари из морских глубин, которых ловят и продают на рынках Арубы. И так же мерзок и опасен.

– Плыви, – напряженно бросил иреназе. – Ты свободна.

Не сказав ни слова, Джад из всех сил оттолкнулась от дна ногами. Вылетела из водной толщи, не обращая внимания на шум в ушах и огненные стрелы перед глазами. И лишь оказавшись наверху, высунув голову из воды и задыхаясь от невозможно пустого воздуха, с трудом сообразила сорвать талисман за какие-то мгновенья до того, как окончательно потерять сознание от удушья.

Наверху было солнце. Мир был залит закатным солнцем, таким же рыже-золотым, как и всё в этот день. Джад передернуло от отвращения и тут же, барахтаясь, она начала откашливать горько-соленую воду, на мгновение испугавшись, что влага так и останется в легких. Но нет – очистившись, дыхательные пути наполнились воздухом, таким легким и сладким после соленой воды. А потом пришла холодная пустота. Она легла на спину и долго лежала на плотной морской глади, смотря в медленно темнеющее небо, прежде чем начала устало выгребать к берегу.

Добравшись до берега, она выползла на еще теплый, прогретый за день песок. Отошла от моря на дюжину шагов – и скорчилась от мучительной рвоты, выворачивающей пустой желудок. Долго сплевывала желчь, мечтая о глотке пресной воды или хотя бы прополоскать рот, но позади плескалось равнодушное море, вернуться к которому Джад бы не согласилась, предложи ей самой за это трон Аусдрангов хоть сейчас. А впереди высились угрюмые утесы, окружая крошечную бухточку, в которой не было, кроме неё, ни одной живой души.

Отдышавшись и вытерев рот, она подумала, как будет выбираться наверх. Тело болело, причем не честной болью, заслуженной часами тренировки или боем, а болью гнусной, стыдной. Между ног пекло, словно ссадины солью натерло, да почти так оно и было. Наверх, кажется, не вела ни одна тропка, насколько она могла разглядеть, а небо темнело уже всерьез, и похоже было, что ночевать придется здесь, на песке у подножья скал, где даже костер не развести без кремня и тута. Привалившись спиной к валуну, отколовшемуся когда-то от скалы, Джад стянула тяжелые размокшие сапоги, но штаны с рубашкой снимать не стала, хоть и понимала, что сушить на себе просоленную морем ткань – дурная затея. Просто показалось невыносимой сама мысль опять оказаться голой и безоружной, да еще перед равнодушным морем, озаренным последними отблесками заката.

Ладно, она вполне может переночевать и здесь. Если Торвальд никого за ней не прислал, значит, на это была веская причина. Лишь бы с ним все было хорошо, лишь бы удалось скрыть пропажу перстня до завтра – а утром Джад найдет дорогу наверх и вернется к своему принцу. Принцу, который обязательно станет истинным королем...

– Госпожа Джад! Госпожа Джад!

Джад устало подняла голову. Из скалистых обломков слева от бухты кто-то бежал. Приглядевшись, Джад разглядела рыжего мальчишку-конюха, ухаживавшего за её лошадей. Добежав, мальчишка широко улыбнулся щербатым ртом, восторженно глядя на Джад.

– Госпожа Джад! Ой, простите, госпожа мастер меча, – торопливо поправился он, выговаривая звание Джад, как положено по этикету. – Его высочество изволил приказать, чтоб я вас туточки дожидался. Там, с другой стороны, у меня пара лошадей да костер горит. Кто ж знал, что вы тут выплывете?

Действительно, кто мог знать, что её вынесет именно сюда? А Торвальд все же отправил за ней этого веснушчатого потихоньку, чтоб не привлекать особого внимания. Умница... Кто обратит внимание на конюха, который повел пару лошадей купаться, например? Джад почувствовала, как на сердце становится тепло, словно она уже протянула руки к обещанному костру.

– Ну, vedi, – улыбнулась она мальчишке. – А что еще приказывал принц?

– А ничего, – беззаботно отозвался конюх. – Ступай, – изволил велеть, – дожидайся до рассвета. Коль не вернется госпожа Джад, утром скачи во дворец... А здорово я с костром придумал, да? И флягу с вином у повара выпросил – вы ж замерзли, небось, госпожа? Я, пока

вас дожидался, рыбы наловил. Ух, вкусная. Сейчас поедите, согреетесь... Госпожа Джиад, а вы иреназе видели? Они тут, говорят, часто плавают да из воды на землю смотрят. Злые они – ух!

Конюшонок еще что-то болтал, а Джиад чувствовала, как тухнет внутри огонек радости. Торвальд не вспомнил про её просьбу о сухой одежде и вине – он просто прислал гонца, удостовериться, что Джиад жива. Или не жива – как повезет. И про то, что здесь видят иреназе, он не мог не знать. Не мог – и все же слова об этом не сказал. «Ничего не поделает, он король, – подумала Джиад измученно. – Королю приходится думать о многом, и уж сегодня у него точно дел хватает...»

– Так вы видели иреназе? – не отставал настырный мальчишка. – Правда, что они прекраснее любой принцессы и злые, как демоны?

Джиад покачала головой, устало бредя по песку босиком – даже обуться было лень.

– Нет, не видела. Но думаю, что это правда: и про красоту, и про злость. Так что... ходить сюда купаться я б тебе не советовала.

– Купаться в проклятую бухту? – фыркнул мальчишка, ловко пробираясь между огромными камнями. – Дураков нет... Кабы не приказ его высочества, я б сюда носа не сунул. А из взрослых и точно никто не пойдет, даже по приказу. Вот, госпожа мастер, пожалуйста к костру! Как вы-то решились... А я тоже хочу таким храбрым быть!

Храбрым? Джиад едва не рассмеялась, но сдержала смешок-всхлип. Не хватало еще перед мальчишкой расклеиться. Опустилась на заботливо расстеленное у костра одеяло, обняла колени. Пламя плясало на высушенном ветром и солнцем топляке, застилало все вокруг... Что ж, все кончилось. Будто дурной сон, от которого просыпаешься, скрученная ужасом, а потом его уносит ночь. Было – и прошло... Прошло...

ГЛАВА 3. ТАЙНА КОРОЛЕВСКОГО ДОМА АКАЛАНТЕ

Дорога домой показалась Алестару бесконечной. Течения здесь менялись постоянно, и тугие струи воды били в лицо то теплом, то холодом; под шкурой салту перекачивались мышцы: зверь, подгоняемый ударами шеста-лоура, мчался изо всех сил. Алестар совсем лег на жесткую голубовато-серую спину, чтобы уменьшить сопротивление воды, обхватил салту руками. По бокам неслись Дару и Кари, тоже прижавшись к самой спине своих зверей, чтоб не отстать. Вперед не лезли, зная, что принц этого не потерпит, да и зачем? Вода впереди чистая, на дне ни камня – ровная песчаная пустошь до самых Врат.

Когда Врата показалиcь впереди, Алестар хлопнул салту лоуром, выпрямился, натягивая поводья. Зверь послушно сбавил ход. Каменные столбы Врат высились впереди мрачными темно-серыми колоннами на массивном основании, уходящем в песок. Отец как-то обронил, что скалы Врат не поставлены здесь, а были всегда, еще до первых иреназе. С тех пор Алестар втайне невзлюбил Врата еще сильнее: как может что-то быть древнее великого морского народа?

Подплыв к самым Вратам, он соскользнул со спины салту, проплыл рядом с ним между двух высоких, грубо обтесанных глыбин. Рядом блеснула чешуя на хвосте чуть выплывшего вперед Кари. Вот еще тоже глупый обычай: проплывать через Врата только поодиночке. Почему нельзя остаться в седле? Оставив Врата позади, Алестар снова подтянулся в седло.

Но гнать салту больше не хотелось. Легонько стукнув лоуром по широкой спине плашмя, Алестар прикрыл глаза, доверяя зверю самому выбрать направление. Все равно свернет домой, в загон с теплой водой и вкусной рыбой, ленивая скотина... Вода текла мимо холодным шелком, ласково глядя обнаженное до пояса тело, а в груди разгоралась уже привычная боль. Последний раз они были за Вратами вместе с Кассией. Дурачились, носились друг за другом, заставляя салту выделять немислимые пируэты. Потом, отпустив зверей охотиться за рыбьей молодью, рухнули на песок, сплетя хвосты. Боролись, думая совсем не о победе... Кассия оказалась сверху, улыбнулась озорно и торжествующе, запустила обе руки в волосы Алестара, прижимая его к песку всем телом...

Хватит! Алестар мотнул головой, отбрасывая воспоминание. Не надо было плавать к Столбу Договора в одиночку. Это было их место, только их... А он поплыл туда один – охрана не в счет. И наткнулся на это... эту... Эту двуногую тварь! Перед глазами всплыло странно темное лицо и короткие, всего до плеч, черные волосы. Погань двуногая, чтоб её... Грязь из верхнего мира! Сейчас запоздало показалось, что не на песок надо было укладывать, а просто убить. Ткнуть трезубцем и смотреть, как расплывается в воде грязная кровь. А потом, когда вода запахнет кровью, спустить салту.

Запрокинув голову назад, ловя взглядом последние лучи светила, что еще пробивались сквозь водную толщу, Алестар выгнулся, задыхаясь от жгучей боли в груди. Нет... слишком большая была бы честь для двуногой умереть так же, как самая лучшая, самая нежная, самая... А вот так, как вышло – в самый раз. Пусть убивается навверх, под палящие лучи злого светила, и всю жизнь помнит, кто она для морского народа, чью воду решила осквернить. Подстилка, не больше! И хватит думать о сухопутной мрази!

Вдали уже высились шпили Акаланте, темнели сторожевые башни. Подгоняя салту, Алестар проплыл между высокими серебристыми столбами, уходящими далеко ввысь, небрежно кивнул отсалютовавшей страже у подножья башен. Здесь, в сердце моря, дно изгибалось непредставимо огромной возвышенностью, бугрясь и выстреливая вверх застывшими кусками лавы. За тысячелетия народ иреназе выточил в них жилища, проложил пути-улицы и расчи-

стил площади. Алестар, как и всегда, залюбовался прекрасным городом, раскинувшимся на дне. Неужели может быть что-то величественнее и изящнее? Разве только другие города иреназе, да и то... Суалану он видел. Хороша, но не лучше. Карианд великолепен, но слишком далеко и глубоко – только в самые ясные дни лучи светила с трудом достают до его крыш, по пути теряя большую часть силы. Нет места лучше Акаланте. А жалкие города двуногих и в сравнение идти не могут. Говорят, их улицы покрыты грязью и мусором, потому что скот и люди ходят по ним ногами, не в силах оттолкнуться и парить в воздухе, как иреназе – в воде. И если по улице движется слишком много народу, они мешают друг другу, толкаясь... Какая тупая мерзость эти двуногие. И гнусная.

Думать о чем-то другом, не о Кассии, получалось паршиво, но все же получалось. Это поначалу он давился бессильной яростью, потом не мог справиться с горем, отказываясь от пищи, потом требовал найти и покарать виновных... Алестар на миг прикрыл глаза, вспомнив печальное лицо отца и потупленные глаза советников. Все впустую. Поиски, исследования магов... Все они твердили в один голос, что принцу угрожает опасность. А погибла Кассия! Глупо, страшно погибла...

Дару темной тенью возник рядом, вопросительно заглянул в лицо, и только тогда Алестар понял, что остановился. Салту недовольно бил хвостом, ему не нравилось плавать на одном месте. Им бы вечно плыть вперед, этим тварям, в поисках пищи. Кровь чуют за сотни гребков... Алестар передернул плечами, хоть вода здесь была уже по-городскому теплой. Акаланте стоит на поддонных источниках, греющих каждый дом, и, конечно, в городе куда теплее, чем в окружающем море. Даже Глубинные боги любят Акаланте.

– Плыви во дворец, – бросил Алестар терпеливо ожидающему Дару. – Скажи отцу, что я прошу о встрече.

– С вашего милостивого разрешения, я пошлю кого-нибудь, – бесстрастно отозвался телохранитель.

– Я дома, – процедил Алестар. – Что со мной может случиться?

Ответом было молчание. Да чтоб вас всех! Зло хлестнув салту, он рванул к дворцу, не заботясь, поспевают ли за ним стражи. Есть и спать под охраной, охотиться под охраной, по улицам родного города плавать тоже с охраной. Даже когда он у наложницы, эти двое торчат за дверью. Хорошо, не глазеют в самой комнате, а то с них бы стало! Хотя на то, как он раскладывал двуногую, еще как любовались. Впрочем, вряд ли им понравилось. А ведь Алестар еще и потому придумал такое – хотел подразнить стражников, навязанных отцом. Только никто из обоих даже не шевельнулся. Рыбья кровь! Стоило отдать им девку с земли, да только Алестар был уверен, что откажутся. Не впрямую, конечно, отговорятся, как обычно. Скажут, что долг стража не позволяет отвлекаться.

Алестар вспомнил непроницаемые поначалу темные пятна глаз, и как потом эти глаза кипели яростью и стыдом. Дивное развлечение вышло! Мять горячее непокорное тело, гладить шелковистую кожу, такую непривычно-темную... А потом ворваться во влажную тугую глубину, так, словно всаживаешь клинок во врага, ловить сдавленный стон и трепыханье тела... Все-таки она была красива, эта двуногая. По-своему, конечно, как бывает красива домашняя зверюшка. Приручить бы такую... Заставить выпрашивать еду, брать ее губами с ладони, а потом укладываться и раздвигать ноги, подставляясь хозяину. И брать, долго и сладко, наслаждаясь болью и беспомощностью...

Алестар соскочил с седла у самого входа во дворец, бросил поводья подплывшему слуге. Не глядя на поспешно уводимого салту, толкнул дверь. И почти успокоился, чувствуя, как величие и красота дворца привычно гонят тревогу и раздражение из мыслей. Фрески, выложенные перламутром, жемчугом и кусочками смальты, переливались в воде, как драгоценности из сокровищницы. Иреназе, изображенные на них, охотились, сражались, тешились на ложе и играли с детьми. Их глаза будто провожали Алестара, стремительнее обычного плывущего по

коридору. Мозаичные полы, высокие мраморные потолки, бесконечные коридоры... Кое-где фрески казались более светлыми, и Алестар знал, что там, на месте искусно вделанных заплат, когда-то были изображения двуногих. Что ж, хорошо, что даже их вид не оскорбляет взгляд обитателей дворца.

А вот от пары-тройки живых двуногих он бы все же не отказался. Почему отец никогда не разрешал ему завести наложницу из верхнего мира? Хотя бы одну...

Дверь в отцовские покои оказалась перед ним, прервав размышления. Алестар постучал тяжелым придверным молотком, оповещая о прибытии. Потом толкнул дверную плиту, проплыл над ней, качнувшейся на невидимой оси. Личная отцовская комната для работы была пуста. То ли отец занимался делами где-то еще, то ли был в спальне с кем-то из наложниц. Вряд ли, конечно. Повелитель Акаланте давно расстался с юношеским пылом, как подозревал Алестар, и не стал бы тратить дневной период на то, что мог получить ночью. Светильники на стенах сияли ровно и ярко, грибы туарры, заточенные в стеклянных шарах, отдавали свет охотно, даже если в комнате никого не было. Стол со свитками являл привычный образец аккуратности, и даже в расположении письменного прибора виднелась строгая система. Алестар вздохнул, вспомнив собственный беспорядок в кабинете. Где же все-таки отец?

Подплыв к окну, он оперся на кованую серебряную ветку решетки ладонями, положил на них подбородок. За окном колыхался в медленных струях воды сад: дно, покрытое мягкой зеленью, пурпурные и золотистые стебли-листья редких растений, ярко-алые, синие и жемчужно-белые цветы, распускающиеся среди крупных камней. Среди растений метались стайки серебристых рыбок-валарий, колыхались полупрозрачные медузы с длинными щупальцами и розово-голубыми брюшками. Алестар длинно вздохнул, глядя на их размеренные движения, но покой, всегда охватывающий его в отцовском кабинете, сегодня не спешил. Напротив, по коже бежал неприятный озноб, а во рту пересохло. Жабры тоже покалывало, будто вода была грязной, чего, конечно, здесь оказаться просто не могло.

Алестар потер ладонью щеки, чувствуя, как они горят. Заболел, что ли? Может, подцепил какую дрянь от двуногой, чтоб её светило сожгло?

– ... и завтра же, Руаль, – послышался голос отца с порога. – Не тяни.

– Отец!

Обернувшись, Алестар склонился в почтительном поклоне. Выпрямился, откинув за спину мешающие волосы.

– Мальчик мой, – отец протянул руки ему навстречу, положил на плечи широкие ладони. Алестар со смутной тревогой отметил, что отцовские руки, всегда такие теплые, кажутся куда холоднее обычного. Надо будет после разговора к целителям зайти, что ли...

– И с чем же не должен тянуть советник Руаль? – поинтересовался он, видя, как лоб отца еще не разгладился от задумчивых морщин.

– Хорошо, что ты зашел, Аль, – кивнул отец, увлекая его вглубь кабинета, к столу. – Удачно поохотился?

Удачно ли? В памяти вспыхнули бешеные черные глаза и тоска в них пополам с отвращением. И горячая нежная кожа, и сладкие мгновения собственной силы и власти над упрямо-закаменевшим телом...

– Удачно, отец, – усмехнулся Алестар. – Вполне. Ты хотел со мной поговорить?

– Посмотри на это, сынок. Сегодня привезли.

В руки Алестара легла легкая костяная миниатюра по размеру как раз на пару ладоней. С выбеленной кости лукаво и чуть смущенно смотрела совсем юная девушка. Пышные золотистые волосы, светло-карие глаза, отливающие янтарем, чуть заостренный подбородок и изящно вылепленные скулы... Красавица... Алестар почувствовал, как его накрывает тяжелая тихая злость. Началось. Опять...

– И кто это? – поинтересовался он сдержанно, возвращая миниатюру внимательно наблюдающему за ним отцу.

В висках застучали звонкие молоточки, и до дрожи захотелось чего-то сочного: сырой, еще кровотокащей рыбы без всяких приправ и ухищрений или толстых, налитых влагой водорослей...

– Маритэль, младшая принцесса тир-на-Карианд.

– Что ж, – растянул губы в невеселой усмешке Алестар. – Хорошенькая, я оценил. Дальше что?

– Алестар... – голос отца был мягким, сочувствующим, и от этой мягкости было еще хуже. – Алестар, я горюю вместе с тобой. Но ты же понимаешь...

– О да, – снова усмехнулся Алестар, чувствуя, как к горлу подкатывает привычный горький комок. – Я все понимаю и слышал сотню раз. Она была просто подданной, у нас все было несерьезно, мой долг – заключить брак, нельзя горевать всю жизнь... А мне нет до этого дела, отец! Что, нельзя подождать? Луна не сменилась, как Кассия... Почему нельзя просто подождать?

– Алестар, никто тебя не торопит, – как сквозь немыслимую толщу воды доносился голос отца. – Мы лишь начнем переговоры. Но ты должен видеть, с кем тебя свяжет запечатление, разве нет?

– А какая разница? Да будь она страшна, как мурена, что с того? – зло бросил Алестар. – На то и запечатление.

– Это не так, сын, – мягко возразил отцовский голос поверх макушки опустившего голову Алестара. – Запечатление обеспечит вам взаимное желание на ложе, близость тел... А близость души двое должны выстраивать сами. Принцесса Маритэль прибудет к нам через пару лун, она будет жить во дворце. Перед заключением договора вы познакомитесь, узнаете друг друга получше. Хотя она и младшая, и рождена от наложницы, а не от законной супруги, но король тир-на-Карианд озабочен её судьбой.

– Великолепно! – процедил Алестар, зло вскидывая голову. – А что, получше никого не нашлось? От законного брака?

– Не нашлось, – неожиданно сухо ответил король. – И поверь, на то есть свои причины. Или ты думаешь, что я желаю тебе зла, выбрав неподходящую пару?

Положив миниатюру на стол, он взмахнул хвостом, отплывая к окну, замер там, совсем, как Алестар немного раньше.

– Прости, отец, – тихо извинился Алестар, тоже подплывая ближе. Обнял сзади могучие плечи, чувствуя их напряжение, уткнулся лицом в перехваченную золотым кольцом струю каштановых волос, так непохожих на его собственные. – Мне жаль, я не хотел тебя обидеть...

– Аль, мальчик мой...

Рука повернувшегося отца обхватила Алестара за плечи, прижала к груди.

– Неужели ты думаешь, я не понимаю? Кассия – дочь Руаля, а он мне не только советник, но и друг. Или ему сейчас легче? Мы все скорбим, сынок...

Ладони ласково гладили ему плечи и спину, и Алестару хотелось стоять так долго-долго, не отрываясь, чувствуя себя снова маленьким, защищенным от всех бед на свете... С усилием он отстранился, посмотрел в глаза отцу, ловя в них искреннюю боль.

– Я заключу союз, с кем ты скажешь. Мне... все равно. Пусть кариандка приплывает, я обещаю вести себя пристойно и не выказывать неприязни. Ты ведь об этом беспокоишься?

– Алестар, я знаю, что ты помнишь о долге. И разве твоя невеста некрасива? Она прекрасно воспитана и гордится оказанной честью. Маритэль будет хорошей супругой, поверь мне.

– Мне все равно, – повторил Алестар, чувствуя, как по коже снова пробегает омерзительный озноб. – Пусть будет Маритэль.

– Тогда завтра же Руаль отправит письмо в Карианд, и начнем обсуждать условия. Богатого приданого ждать не приходится, но это не страшно. Дом Акаланте за чужими богатствами не гонится, своих хватает.

Вернувшись к столу, отец бережно поставил портрет кариандки на подставку. Алестар глянул издали на милую улыбку девчонки, светлые, как у большинства кариандцев, волосы.

– Пусть пару наложниц пришлют, – не удержался Алестар от укола. – А то их принцесса выглядит хрупкой, как лепесток перламутра. Такую и в постель брать страшновато – еще сломаётся.

– Алестар, – нахмурился отец...

– Да шучу я, шучу... Можно подумать, запечатление мне позволит плавать по наложницам, как раньше. Хотя брак еще не скоро...

– Вот пока не скоро – гуляй вволю, – усмехнулся отец с лукавинкой. – Кто ж тебе откажет?

– Ты, – буркнул Алестар, теребя в руках кончик ремня. – Все эти сладкие мордашки надоели... Позволь мне завести двуногую наложницу. Хоть одну!

– Нет!

Алестар с удивлением глянул на гневно раздувающего ноздри отца. Что-то творилось со зрением: перед глазами все плыло, будто он оказался в мутной воде, глаза щипало и жгло.

– Никаких двуногих! Ты помнишь мой приказ? И наверх без дозволения не выплывай.

– Да помню я, – привычно огрызнулся Алестар, не без злорадства подумав, что уж сегодня он сам наверх не плавал – а значит, клятва не нарушена. Предположить же, что кто-то из двуногих спустится сверху, чего не случалось уже лет триста, отец в свое время не догадался. – Ты бы хоть объяснил, почему!

– Моего слова тебе недостаточно? – холодно спросил отец.

– Я твой сын. Поэтому – недостаточно.

Алестар упрямо выдержал гневный взгляд, но тут же король обреченно махнул рукой.

– Хорошо. Я расскажу, пока не случилось большей беды. Давно следовало, конечно. Заодно поймешь, почему у нас не слишком богатый выбор супругов для тебя. Сюда...

Подплыв к единственной небольшой фреске в углу кабинета, он жестом подозвал Алестара.

– Смотри. Что ты видишь?

На фреске рыжеволосая синеглазая девушка, похожая на самого Алестара, как сестра-близнец, взлетала на гребне волны, протягивая руки к яростно горящему светилу. Вдалеке виднелся силуэт корабля...

– Историю своего рода, – покорно откликнулся Алестар. – Триста лет назад принцесса Ираэль встретила того, кого посчитала своей парой – двуногого королевского рода. Запечатлела его как супруга, а потом была им предана и погибла.

– О да... – протянул отец каким-то незнакомым голосом, не отрывая глаз от фрески. – Так все и было. Эту историю знают все. Мы отомстили за смерть Ираэли, союз с двуногими был навсегда расторгнут, но посмотри... У твоей матери были дивные золотые волосы и карие глаза, я темноволос и темноглаз, а ты, наше единственное дитя... Неужели не видишь?

Алестар молча пожал плечами, чувствуя, как все сильнее звенит в ушах, а внутри расплывается жар, будто он снова полакомился ядовитой рыбой, как в детстве.

– Вы похожи, как две капли воды, – тихо сказал отец. – Те же волосы, глаза, лицо... Будто она сама вернулась к нам, несчастная девочка, воплотившись в мужском теле. Она была прямой наследницей, Алестар. Не боковой ветвью, срубленной клинком двуногого, а будущей королевой и единственным ребенком в семье. Не было никакого младшего принца Клениаса, от которого, якобы, продолжился род. Тогда, перед смертью, она оставила дитя, которое стало игрушкой двуногих. Сына Ираэли, наследника Акаланте, держали, как забаву, в бочке с водой... До тех пор, пока море не пришло в Аусдранг. И когда оно схлынуло, в развалинах королевского

дворца трупа маленького иреназе не нашли – да и некому было искать. А во дворце появился принц Клениас, наследник, из-за слабости здоровья росший в храме Троиц. Он и вправду был поначалу слаб здоровьем, бедный мальчик, но вырос и стал Клениасом Отважным. В наших жилах, в крови дома Акаланте течет и кровь двуногих, Алестар. Человеческая кровь принца Аусдранга, убийцы и предателя.

– Невозможно, – прошептал Алестар, глядя на счастливую улыбку давно мертвой принцессы. – Нет, отец... Кровь... этих тварей?

– Да. Их кровь. Теперь ты понимаешь, почему я запрещал тебе двуногих наложниц? Ни с кем из нашего рода, живущего в королевстве, у тебя не может случиться зачатия. Только с чужой. И ты прекрасно об этом знаешь, так что не лжешь ни с кем, кроме тех, кто с тобой одной крови – крови Акаланте. Тут я спокоен. Но двуногие...

– Зачатие с двуногой? – в ужасе прошептал Алестар. – Как?

– Так же, как оно случилось триста лет назад у Ираэли. А в ней и двуногой крови не было – просто злая судьба... Одна возможность из бесчисленных. Все равно, что поймать каплю, растворенную в целом море, на язык. Тебе же – случись такое – зачатия избежать куда труднее. Потому во дворце нет двуногих наложниц, Алестар. И вообще нет двуногих девушек во всем королевстве.

– Нет... – прошептал Алестар, чувствуя, как жар охватывает тело. – Я бы никогда... отец!

– Надеюсь, – доносился голос отца откуда-то издалека. – Но наши маги рассчитали, что с чистокровной иреназе у тебя зачатия не выйдет. Кровь зовет кровь, чтобы все элементы сошлись верно, в твоей паре тоже должна быть хоть частичка крови двуногих. А это, сам понимаешь...

– Понимаю, – попытался улыбнуться Алестар, чтоб не вызвать подозрений. – В королевских домах кровь двуногих штука редкая.

– Именно. А принцесса Маритэль на одну шестнадцатую человек. Немного, но нам хватит... Алестар? Алестар! Ты себя плохо чувствуешь?

– Нет, ничего, – снова старательно улыбнулся Алестар. – Не каждый день узнаешь о таком... Я поплыву, отец?

У него еще хватило сил дожидаться кивка, отвернуться от обеспокоенного взгляда, изо всех сил притворяясь просто расстроенным. Вода вокруг струилась не привычной прохладой и теплом, а невыносимым жаром. Жар, озноб, снова жар... Алестар плыл по коридору, и иреназе на фресках шевелились, гневно потрясая трезубцами, обеспокоенно склоняясь друг к другу, провожая его то возмущенными, то сочувствующими взглядами. Зачатие! Какой же он дурак! Не распознать, не понять... Хотя откуда ему узнать то, что он никогда не испытывал? Зачатие с парой бывает раз в жизни. И он... Неужели...

Алестара затошнило, стоило вспомнить, с каким наслаждением он вбивался в тело двуногой, а потом смотрел в глаза, наполненные бешеной яростью. Бешеной и совершенно беспомощной. О да, это было самым восхитительным: знать, что ничего эта красивая сладкая тварь с ним сделать не посмеет, даже руку не поднимет. И как она двигалась под Алестаром, отрабатывая перстень своего хозяина... Дура! Территория у столба независима. Если где-то и мог показаться двуногий в море безопасно, то разве что там, в месте, где издавна встречались глашатаи и гонцы. Но откуда ей было это знать, она поверила Алестару, покорно легла на песок. И потом... ах, как все было хорошо и правильно! Унизить, растоптать её гордость, ударить побольнее... Алестар был в своем праве! Они погубили его прабабку, мучили её, издевались... И Кассия! Яд, заставивший салту Кассии растерзать свою хозяйку, был изготовлен наверху – только это и удалось выяснить страже и магам.

Коридор вокруг вихлялся из стороны в сторону. Плывли струи разноцветной воды, жгущие кожу, как лучи светила, к которому он поднимался давным-давно, еще маленьким. Стиснув зубы, Алестар плыл, не обращая внимания на попадавшихся изредка слуг, смотрящих на

него с удивлением и беспокойством. Ему нужно было в совершенно определенное место. Если и там не помогут... Не может ведь это быть правдой! Не мог он запечатлеться с проклятой двуногой!

В покоех Санлии, куда он едва не вынес дверь, вломившись изо всех сил, было, как всегда, тихо и совершенно безлюдно. Санлия, низавшая жемчуг в длинные нити, подняла голову от рукоделья, откинула назад упавшую на лицо черную завесу распущенных волос, улыбнулась Алестару. И тут же всплеснула хвостом, торопливо подплывая ближе. Приняла его, бессильно опустившегося на пол, в объятия, тревожно заглянула в лицо.

– Мой повелитель, вам плохо? Целителей?

– Нет, – прошептал Алестар, чувствуя, как прохладные руки любимой наложницы словно растворяют жар, охвативший тело. – Санлия, ответь мне. Не спрашивай ничего, слышишь? Просто ответь. Запечатление можно отменить? Исправить как-то...

– Нет, мой повелитель, – спокойно отозвалась Санлия, кладя восхитительно холодную руку ему на лоб. – Раз уж случилось, пути назад нет.

– А если убить ту, с которой...

– Даже если вы её переживете, запечатлеть кого-то другого уже невозможно. – Санлия обеспокоенно глядела на него, всматриваясь во что-то, невидимое Алестару. – Мой повелитель, вы...

– Молчи, – сквозь зубы проговорил Алестар. – Нет... еще... Почему... почему так... плохо... Тело горит. Не смей звать целителей! Почему так плохо...

– Повелитель, вы запечатлены, – прошептала Санлия, и даже зелень ее глаз, всегда безмятежно-спокойных, потемнела от ужаса, как небо перед штормом. – Кто она? Вам немедленно нужно к ней. Нельзя разрывать связь после запечатления. Или вы оба можете умереть.

– Это... вряд ли, – рассмеялся Алестар, чувствуя, как смех переходит во всхлип. – То есть я – да. А вот она... не думаю. Двуногие... не умирают... от этого.

Уже погружаясь в раскаленную темную бездну, он успел подумать, что эта бездна на что-то похожа. Точно – это же глаза той двуногой...

ГЛАВА 4. ЧЕСТЬ И СЛОВО АУСДРАНГОВ

– Нет, Жи, не надо... – Торвальд мягко отстранился от её объятий, шагнул назад, к столу. Присел на него, ероша влажные после купальни волосы. Чтобы Торвальд лег в постель, не смыв дневную пыль и пот, – это нужно еще раз уволочь королевский перстень вместе с короной, – усмехнувшись, подумала Джаид.

– Почему? – непонимающе спросила она вслух. – Что не так, мой принц?

– Я устал, Жи, – смущенно улыбнулся Торвальд, поправляя щипцами догорающую свечу в тяжелом бронзовом подсвечнике рядом с собой. – Весь день метался, как демон чернокнижника...

Он и вправду выглядел бледным и измученным, так что Джаид почувствовала укол совести. Её принц... нет, её король вторую неделю на ногах днем и ночью. Договаривается с лордами Королевского Совета, выслушивает петиции купеческих и мастеровых гильдий, разбирает храмовые жалобы и тяжбы простых подданных. Все словно рехнулись, взваливая на юного короля хлопоты, накопившиеся за год безвластия, а ему ни словом, ни взглядом нельзя выказать слабость. Сожрут ведь стервятники!

– Прости, – тихо попросила она, глядя в любимые пасмурно-серые глаза. – Я такая глупая. Ну конечно, тебе не до этого. Ложись в постель, счастье мое, я тебе плечи разомну.

– Ты и сама устала, Жи...

Торвальд стянул через голову рубашку из тонкого полотна, едва распустив шнуровку на горловине, лег на постель, откинув одеяло. Джаид присела рядом, поискала глазами знакомую бутылочку.

– На столе, – подсказал Торвальд, закладывая руки под подбородок.

И правда, снадобье, что она сама настаивала на травах, обнаружилось на столешнице, прикрытое кучей свитков тонкого пергамента.

Вернувшись, Джаид присела на высокий край кровати, налила душистое масло в ладонь, чтобы согреть. Торвальд, расслабившись, ждал, и Джаид залюбовалась по-юношески нежной кожей и стройным телом, еще не набравшим истинную мужскую мощь, но уже обещавшим это, как гибкий поначалу дубок обещает вырасти в величественное дерево. Тугие мышцы постепенно поддавались умелому растиранию, но Джаид дождалась, когда дыхание Торвальда станет совсем ровным и медленным, лишь тогда заговорив о том, что мучило её с самого утра.

– Знаешь, твой кастелян сказал, что для меня готовят новые покои. В крыле для стражи, как у всех телохранителей. А в моей нынешней комнате будет твоя гардеробная.

– И что? – слегка удивленно отозвался Торвальд. – Ему виднее, где хранить все эти королевские тряпки, раз уж их стало больше. Жи, ты все равно половину ночей проводишь у меня, какая тебе разница, где отсыпаться вторую половину? А про нас и так болтают много лишнего.

Он был прав, разумеется. То, что сходило с рук одному из наследников, королю непозволительно. Прошли те времена, когда они валялись в одной постели до утра, целуясь и обнимаясь, лаская друг друга вволю... Джаид вздохнула. А ведь и правда, с самого дня коронации они ни разу не делили постель, обходясь торопливыми поцелуями украдкой. Значит, все?

Похоже, последние слова она прошептала вслух, иначе с чего бы Торвальд, уже разомлевший под её старательными руками, напрягся и переспросил удивленно:

– Что все?

– Между нами, – спокойно уточнила Джаид, хотя внутри все скручивалось от обиды. – Все закончилось, мой король?

– С ума сошла!

Рывком перевернувшись, Торвальд сел на постели, положил руки на плечи Джад, заглядывая ей в лицо. Зачастил возмущенно, смешно поднимая брови и выглядя от этого совсем юным и непредставимо милым.

– Ты что, Джи! После всего, что ты сделала? Ты думаешь, я могу это забыть? Подожди немного! Просто подожди, ладно? Всё уляжется, за мной перестанут следить, и будет по-прежнему. Я дам тебе титул баронессы, и никто слова сказать не посмеет. Джад, я никогда не забуду твоей помощи! Обещаю, будет и титул, и земли...

– Не нужно, – утыкаясь лицом в плечо Торвальда и целуя светлую кожу, попросила Джад. – Не надо титула, мой король. И всего остального тоже. Я просто хочу быть рядом. Вашим телохранителем, служанкой, кем захотите. Обещайте мне это – и других наград не нужно.

– Обещаю, – твердо сказал Торвальд, на несколько долгих сладких мгновений задерживая её в объятиях и снова со вздохом отстраняясь. – Слово чести Аусдрангов. Ты всегда будешь со мной, любовь моя. Ну, всё, успокоилась?

Ясно улынувшись, он упал на постель, заложив руки за голову, провел кончиком языка по нижней губе, отлично зная, как это действует, и прошептал:

– А знаешь, я передумал. Иди сюда.

– Точно? – переспросила Джад, не веря своему счастью. – Ты же устал...

– Ничего, отдохну, – фыркнул Торвальд, стаскивая узкие штаны с нескрываемым облегчением. – Вот завтра пошлю всех с делами подальше и отдохну... Иди сюда, говорю. Это королевский приказ, как-никак!

– Слушаюсь и повинуюсь, – усмехнулась Джад, кладя ладони на колени короля, где застряли штанины. – Позвольте помочь вашему величеству...

Стянув узорчатый темный атлас, она отправила штаны вслед за рубашкой на кресло у кровати, потом нежно провела ладонями снизу, от самых щиколоток, вверх – к стройным бедрам, белеющим в полутьме. Наклонившись, поцеловала гладкий теплый живот.

– Хочу тебя, – прошептал Торвальд, подаваясь навстречу. – Давай, Джи. Я так соскучился... Приласкай, как ты умеешь.

– Это тоже приказ? – поддразнила его Джад, ловя губами его мужскую гордость. – Не могу не повиноваться...

– О да, – выдохнул Торвальд, вцепляясь пальцами в простыню и раздвигая колени шире. – Давай... Еще! Джи-и-и...

Это стоило всего, – с горячей томной нежностью поняла Джад, слушая сбивчивое дыхание и негромкие прерывистые стоны. – Прыжка в море, боли, стыда... Уронив на её плечи тяжелые раскаленные ладони, Торвальд требовательно подавался навстречу, бессвязно шептал что-то, а когда Джад оторвалась, тяжело дыша, глянул умоляюще и пьяно.

– Нет, ваше величество, – улыбнулась Джад, одним гибким движением оказавшись на ложе рядом с расprostертым телом короля. – Так быстро вы от меня не отделаетесь.

Улынувшись в ответ, Торвальд раскрыл объятия навстречу, сказал негромко:

– Моя Джад. Королева моего сердца...

Мгновенно вспыхнув смущением, Джад целовала самые сладкие губы на свете, совсем забыв, что у неё самой на губах все еще вкус мужской плоти Торвальда, покрывала торопливыми жадными поцелуями шею и ключицы, округлость плеч и ложбинку на груди. Нежилая ртом и пальцами розовые соски, обводя языком сливочно-кремовый ореол вокруг них. Потом, не переставая ласкать, прошептала:

– Скажи это еще раз...

– Про королеву? – хрипло спросил Торвальд, притягивая ее к себе, помогая сесть сверху.

– Про сердце! – выдохнула Джад, опускаясь на его бедра одним долгим медленным толчком и вскрикивая от переполняющего все её существо шального счастья.

Уперевшись ладонями в грудь Торвальда, склонившись над ним, она скользила вверх и вниз, отдаваясь как всегда щедро и беззастенчиво, откровенно наслаждаясь горячей жёсткостью мужских ладоней на своих бедрах, каждым прикосновением и толчком внутри. И заслуженное блаженство сплело и скрутило их вместе, превратив в единое целое, один трепещущий и содрогающийся комок сладких горячих судорог.

– Как хорошо... – со стоном выдохнул Торвальд, откидываясь на подушки. – Жи-и-и...

– Да, – прошептала Джад. – Да... Люблю. Мой... Торвальд...

Никогда бы она не проявила непочтительность на людях, да и наедине лишнего себе не позволяла, но сейчас, мокрая от пота и бесстыдно обнаженная, она млела в объятиях не короля Аусдранга, а просто Торвальда. Её любимого...

– Ты чудесна, – отозвался Торвальд, блаженно прикрывая глаза. – Как же жаль. Нас никогда не поймут...

– Неважно, – искренне сказала Джад. – Лишь бы ты...

Она не договорила, устыдившись вдруг, что и так слишком часто ноет. Торвальд уже обещал – чего же еще? Обвила руками податливое горячее тело, поцеловала висок, убрав с него влажные светлые прядки.

– Я сейчас уйду, – сказала негромко, словно извиняясь. – Никто не увидит.

– Угу...

Торвальд лежал рядом, расслабленный, притихший, восхитительно пахнущий страстью и ею, Джад. Потом чуть повернулся, привстал на локте.

– Жи...

– М? – откликнулась Джад.

– Ты сделаешь для меня кое-что? Есть одно поручение, я его больше никому не могу доверить, а дело срочное...

В голосе Торвальда звенели вина и смущение: гнать возлюбленную, пусть и воина, среди ночи по делу ему явно было стыдно. Джад улыбнулась. Ну да, она, конечно, разомлела, как кошка на печи, после такого, но...

– Настолько срочное? – уточнила она, вздыхая немножко напоказ.

– Очень, – виновато отозвался Торвальд. – Я и собирался тебя послать, да вот... Не утерпел.

Повернувшись к нему, Джад протянула руку, погладила по щеке.

– Говори, – сказала просто. – Я все сделаю.

– Ты чудо, Жи! – выдохнул Торвальд с таким восхищением, что Джад невольно улыбнулась. – Там на столе пакет. Его надо отвезти в таверну «Три золотые рыбки» и спросить господина Карраса. Только так, чтоб никто не видел. В пакете договор, очень важный!

– Политика... – протянула Джад, поднимаясь и торопливо натягивая штаны и рубаху, хотя тело так и молило если уж не остаться в постели Торвальда, то хотя бы добраться до собственной и отоспаться вволю. – Что ж, быстрее сделаю, быстрее получу награду, так? Мой король...

Наклонившись, она шутливо чмокнула Торвальда в кончик чуть курносого носа и, не оглядываясь, вышла, застегивая пояс с клинками.

Дворец давно притих, лишь стража на выходе сдвинула алебарды, но, узнав королевскую телохранительницу, разомкнула скрещенные древки и поспешно отдала честь. Два здоровяка, замерших у высокой двери, окованной металлом, были знакомы Джад, и она забеспокоилась, не распространяется ли приказ Торвальда «чтоб никто не видел» и на них. Но тут уж ничего не поделаешь, охрана во дворце бдит на совесть. И мало ли, какие дела могут быть у госпожи мастера меча в городе? Свидание, может!

От последней мысли Джад даже улыбнулась. Разве может кто-то сравниться с Торвальдом? Глупо было ей, безродному подкидышу, воспитаннице храма, влюбляться в северного

принца, которому храм продал её клинок, но так уж вышло. С первого взгляда в юное чистое лицо наследника северного короля, приехавшего с договором в Арубу, Джаад поняла, что служить ему почет за счастье. Да, глупо и самонадеянно. Но Торвальд ответил на её любовь – и это стало вторым величайшим чудом и счастьем в жизни Джаад. Первым было – что она попала в храм Малкависа.

Свернув с главной дороги к дворцу, она прошла парком, свернула на задний двор. Здесь не спали. Светились желтым окна пекарен, где вымешивали тесто для булочек и хлеба к завтраку придворных, чтоб утром подать горячими. Теплилась красными отблесками кузнечная печь, дремлющая, но не потухшая: мастер держал ее всегда готовой на случай какого-то срочного ремонта, но звенеть ночью молотом ему, конечно, никто бы не позволил. Бросал на землю желтый круг света фонарь у дверей конюшни – туда-то и свернула Джаад, сняв фонарь с крюка, чтоб освещать себе путь. Прошла к деннику своего жеребца, сняла со стены сбрую. Не будить же конюхов из-за такой мелочи. В ворохе сена в углу что-то зашевелилось, и из травы показалась заспанная конопатая мордашка, расплываясь в отчаянном зевке.

– Го-о-оспож-а-а-а...

– Спи, – негромко сказала Джаад, узнав своего знакомого. – Я сама заседаю.

– Ага... – согласился мальчишка, снова сладко зевая. – Я тады еще... посплю...

– Что ж ты здесь ночуешь? – спросила Джаад, седлая коня. – Сено же колет.

– Зато не дерется никто, – рассудительно ответил конюшонок. – А то господин главный конюх злится, если лошади без присмотра... Вот если бы попону давали – то и ладно...

– Ну-ну... – отозвалась Джаад, выводя коня из просторного денника. – Спи уж, а я завтра с конюхом потолкую.

Не слушая сонно бормочущего что-то паренька, уползающего опять в теплое сено, она вывела недовольно похрапывающего жеребца во двор. Подумала с сочувствием, что жизнь везде одинакова: старшие гоняют младших, заставляя делать свою работу. Наверняка ведь старший конюх отправил в конюшню кого-то из взрослых, но крайним оказался конопатый рыжик. Надо будет с конюхом потолковать, но так, чтоб мальчишке не досталось. Он молодец: вон, как блестит вычищенная шерсть.

Подковы звонко цокали сначала по двору, затем по дорожке к калитке, где Джаад снова отсалютовали стражи, а уж потом и по мостовой сонного города, освещаемого только половиной масляно-желтой луны. Воздух дышал ночной свежестью, и город тонул в чернильно-темных тенях, только кое-где светились редкие окна, да и то прикрытые ставнями.

А вот в таверне «Три золотые рыбки», удачно пристроившейся почти у самого пирса, народ еще не спал и даже не собирался. У Джаад на гулянки в тавернах не было ни времени, ни желания, но от караульных она слышала, что пиво в «Селедках», как прозвали таверну завсегдатаи, свежее, вино разводят по совести, а закуска стоит не дороже, чем может себе позволить честный моряк или солдат. Потому и хозяин процветает. Глядя на уютно золотящиеся окна таверны и вдыхая вкусные запахи жареного мяса и рыбы из полуприкрытой двери, в это легко верилось.

Ступив на невысокое крыльцо – не иначе, чтоб не свалился никто спяну – Джаад прошла в зал, насквозь пропитанный особым духом подобных заведений: смесью запахов еды, пива, мужского пота, выделанной кожи и свежей рыбы. Подошла к стойке, за которой хозяин в заляпанном жирными пятнами переднике, но на удивление чистой и добротной одежде выкладывал на блюдо жареные колбаски. Следующая порция уже шипела на чугунной сковороде за его спиной, и Джаад почувствовала, что рот наполняется слюной. Сразу вспомнилось, что ужин она пропустила, меняя караулы вместо заболевшего капитана, а потом и случая зайти на кухню или послать кого-то за едой не представилось, потому что позвал Торвальд... Ладно, это подождет. Надо отдать пакет, а на обратном пути и перекусить можно.

– Я ищу Карраса, – сказала она хозяину, облокотившись на стойку так, чтоб видеть таверну и дверь за своей спиной – просто по привычке.

– Есть такой, – отозвался хозяин, глянув равнодушно: в Аусдранге, к счастью, на женщин в мужской одежде и с оружием никто особо не дивился, здесь хватало наемниц. – В задней комнате кого-то дожидается. Прикажете ужин подать?

– Потом, – улыбнулась Джад. – Я ненадолго, а потом в общем зале поужинаю. Или вообще с собой возьму.

Хозяин, кивнув, подозвал спящего по залу паренька чуть постарше рыжего конюшонка, буркнул ему про заднюю комнату, куда надо отвести госпожу. Джад послушно проследовала в дверь сбоку от стойки и дальше, по темному коридору – таверна оказалась неожиданно немаленькой. Ткнув пальцем в нужную дверь, подавальщик испарился раньше, чем Джад выудила из кармана монетку. Что ж, его дело... За тяжелой незапертой дверью оказалась освещенная парой свечей комната и высокий человек в кожаной куртке, штанах и охотничьих сапогах, стоящий спиной у окна. Больше Джад, переступая порог, ничего рассмотреть не успела, потому что стоило сделать очередной вдох, как в глазах вспыхнули ослепительные искры, а потом стало темно.

Медленно, очень медленно мир вокруг появлялся в темноте, окутавшей Джад. Сначала – звуки. Скрип весла об уключину, шелест морских волн... Она слушала звуки, наполняющие ночь вокруг, и не понимала, как вышло, что она явно в лодке. Потом вернулась память: поручение Торвальда, таверна, комната... Не подавая виду, что очнулась, Джад попыталась осознать происходящее. Она лежала на боку со связанными позади руками, ноги тоже были чем-то стянуты в щиколотках, но при этом кто-то позаботился устроить её с удобствами. Внизу, под ней, было что-то мягкое, глаза не завязаны, а ремни на ногах и руках плотные, но не давят... Клинков, с которыми она не расставалась последние годы, разумеется, не было. Её мечи! Изнутри плеснула холодная ярость. Кто посмел? И то ли она все же шевельнулась, то ли кто-то внимательно наблюдал, но тут же из темноты раздался мягкий голос:

– Очнулись, госпожа мастер меча? Ну же, открывайте глаза...

Джад с усилием разлепила ресницы, невольно морщась от ноющей боли в висках и затылке. Толку от этого оказалось немного. На корме лодки стоял фонарь, но видно было лишь три темные фигуры: двух гребцов впереди и человека рядом.

– Голова скоро пройдет, – извиняющимся тоном сказал этот третий. – Порошок черного дурманника – штука неприятная, но все же куда полегче мешочка с песком, например. Пить хотите? Или помочь вам сесть? Если затошнит – говорите, не стесняйтесь.

– Что вам нужно? – мрачно проговорила Джад, снова прикрывая глаза от вспышки боли.

– Нам, собственно, ничего, – легко и весело отозвался её собеседник. – Нужны вы кое-кому другому, а мы просто подрядились вас доставить. Точно воды не хотите?

Наемники, значит. И везут её в лодке... Вот это не понравилось больше всего. В последнее время она не могла и подумать о море иначе, как с отвращением, хотя раньше любила и поплавать, и понырять, и просто понежиться на горячем песке в редкие свободные часы. Что ж, вряд ли ей что-то скажут...

– Дайте воды, – покорно согласилась она. – Далеко еще плыть?

– Не очень, – безразлично сказал человек, снимая с пояса небольшую фляжку. – Давайте-ка я вам сесть помогу. Вот так...

Усадив Джад на скамью рядом с собой, он терпеливо ждал, держа у её губ флягу, где и правда оказалась чистая вода – странный выбор для наемника. А вот для человека, оглушенного чёрным дурманником, – то, что надо. Похоже, обращаться с ней и вправду пока собирались хорошо...

– Кто вас послал, не скажете? – для очистки совести поинтересовалась Джад. – И за какие заслуги вы со мной так любезны сейчас, если начали с этой дряни?

– Нет нужды говорить, – усмехнулся его собеседник. – Скоро будем на месте.

Теперь, когда глаза Джад привыкли к темноте, она четко различала тонкие черты урожденного алахасца, жителя мест, славящихся как раз наемными фехтовальщиками, лучниками и прочими мастерами боя. Идти в простые солдаты алахасцы считали ниже своего достоинства, зато наемники-одиночки из них получались отличные и в полной мере стоящие своей немалой цены. Именно этого человека Джад и видела в «Селедках».

– Вас, госпожа, велено доставить со всем возможным бережением, – с легкой улыбкой пояснил алахасец. – А дай мы вам в таверне вытащить клинки, бережения бы никак не получилось. Так что вышло, как вышло.

Привалившись к борту, Джад вгляделась в ночь.

Куда же её везут? Если это корабль, то почему не видно сигнальных огней на мачте? Порт сейчас почти пуст. Аусдранг давно не торгует с другими странами из-за иреназе, топящих корабли в прибрежных водах. А везти на рыбацкий баркас – какой смысл?

Один из гребцов, мерно работающих веслами и ни разу не обернувшихся к Джад, оставил весло, стукнувшееся об уключину. Его примеру последовал второй. Взяв фонарь с кормы, гребец помахал им в воздухе, и почти сразу ему отозвался всплеск, словно рядом плеснуло весло. Или крупная рыба. Очень крупная... Или совсем не рыба...

– Тихо, – мягко проговорил алахасец, удерживая рванувшуюся Джад за плечи. – Не надо дергаться. Амулет мы на вас давно надели, цепочку снять никак не выйдет. Как под водой дышать – сами знаете, вам вроде не впервой.

– Убью, – в бессильном отчаянии прошептала Джад, понимая, кто заказал её похитить. – Вернусь и убью.

– Ваше святое право, если получится, – согласился алахасец. – Прощайте, госпожа.

Потянув изо всех сил вырывающуюся Джад за плечи, он легко подхватил ее на руки и кинул в непроглядную тьму. Ухнув в воду, Джад в невольном ужасе забарахталась, отплевываясь и извиваясь, но связанные руки не давали сделать ничего – совсем ничего! А потом её дернули за ноги, утаскивая в глубину, еще какое-то время она боролась, пытаясь не дышать, но воздух закончился, и уже привычная резкая боль от вливающейся в легкие воды накрыла её целиком, залила – и отступила, куда быстрее, чем раньше.

Вода вокруг бурлила, разгоняемая ударами тяжелых мощных хвостов. Джад ничего не могла разглядеть во мраке, но догадалась, что рядом не только проклятые иреназе, но и их рыбозвери для верховой езды. Уши заложило – её сразу утянули довольно глубоко – но это было скорее неудобно, чем больно, да и пленители молчали, не удостоивая её ни словом. Джад скорее ощутила, чем увидела, что рядом их двое. Один удобнее перехватил её за плечи, прижимая к себе, второй, до этого тянувший вниз, отпустил ноги и куда-то делся. Вода все так же била тугими всплесками-волнами, потом Джад попросту бесцеремонно перекинули, словно выюк, через спину рыбозверя, а сверху захлестнулся ремень. Она еще успела подумать, что так и не успела отдать пакет, а Торвальд никогда не узнает, что с ней случилось. И что с пакетом что-то было не так, только непонятно что, потому что голова все-таки болит... Потом её накрыла тошнота, вода показалась горячей, красной и вообще похожей на кровь – и Джад снова потеряла сознание.

Второе пробуждение оказалось еще мучительнее первого. Приходя в себя, Джад едва удержалась от стона и порадовалась, что так и не успела поесть. Желудок норовил вылезти через горло, внутренности сводило мучительными спазмами, а в голове бил кузнечный молот, безошибочно попадая по больному месту. Упрямо открыв глаза, она вгляделась в колышущуюся муть, не понимая: правда ли вокруг вода или ей это только чудится. Увы, и тяжелое дыхание, и зелено-голубой мир вокруг, сжавшийся до пределов небольшой комнаты – все говорило, что рассчитывать на сон или бред не приходится. Вода. Кругом была вода...

Джиад снова закрыла глаза, мечтая, чтоб их не пришлось открывать вновь. Глупо, конечно... Пусть это подводный мир, надо думать, как отсюда выбираться. А для начала – узнать, кому и зачем она здесь понадобилась. Ответ напрашивался сам собой, перед глазами, как живое, встало наглое лицо водяного принца. Тир-как-то там-Акаланте, что ли... Но зачем ему похищать уже отпущенную добычу? Передумал, что ли? А может, все дело в оскверненной святыне? Вопросы теснились, не давая ни малейшей возможности ответить на них...

Потом к губам Джиад прижалось что-то холодное и твердое. Она стиснула губы плотнее, не желая поддаваться хоть в этом, и лишь сейчас заметила, что руки уже не связаны. И ноги не связаны тоже. Мотнув головой, она открыла глаза и увидела перед собой странное лицо: скуластое, с большими светлыми глазами, длинным тонким носом и острым подбородком. Нельзя сказать, чтоб оно было уродливым, но Джиад нутром почувствовала, что существо перед ней не человек. Иреназе, конечно. Не такой смазливый, как их принц, но точно иреназе.

– Пить, – растянув тонкие губы, сказал иреназе, показывая ей странную флягу, затянутую какой-то пленкой. – Лекарство.

– Обойдусь, – зло отозвалась Джиад.

Настаивать иреназе не стал. Пожав плечами совершенно по-человечески, отплыл в сторону и скрылся за дверью, которую Джиад сразу и не заметила. Наверное, поплыл докладывать, что пойманная добыча пришла в себя. Воспользовавшись передышкой, Джиад торопливо огляделась. Комната оказалась почти пуста. Невысокая и странной круглой формы, она была залита сильным ровным светом от круглых шаров размером с детскую голову, что опоясывали стену на уровне груди стоящего человека. Шары на вид казались стеклянными и наполненными чем-то вроде светящегося киселя или порошка. Джиад присмотрелась к тому, что был рядом с кроватью, на которой она лежала. Ну, светильники и светильники. Пожар с ними вряд ли устроишь, чтоб поднять панику и потихоньку улигнуть, значит, нечего и приглядываться.

Кровать тоже не походила на привычную. Невысокая круглая площадка, повторяющая форму комнаты, была застелена толстым покрывалом из незнакомого серовато-серебристого материала, похожего на мягкую губку. Под головой обнаружилась подушка – и все. Больше в комнате ничего не было, и рассматривать ее Джиад не дали, потому что дверь открылась – тоже странно, не распахнувшись, а повернувшись вокруг себя самой на оси – и в комнату вошел-вплыл иреназе.

Не тот! Это было первым, что увидела и поняла Джиад. Заплетенные в круглую косу темно-каштановые волосы, лицо куда старше, глаза темно-карие. Одет в набедренную повязку и еще что-то, похожее на длинное полотнище, перекинутое через плечо и ниспадающее складками. Глядя в суровое и мудрое лицо, Джиад, миг назад готовая кинуться на первого же, кто войдет, ощутила неловкость, как девчонка, застигнутая за шалостью.

Проклятье! Нет уж... Кто бы это ни был, он враг. Иреназе же молча подплыл поближе, опустился на край постели, свесив и расстелив по полу толстый длинный хвост, серебрищийся чешуей.

– Женщина по имени Джиад из Арубы, я, Кариалл, король тир-на-Акаланте, приветствую тебя.

Голос у иреназе оказался низким и тяжелым, словно давящим уши. Не отводя взгляда, подводный правитель смотрел, как Джиад поднимается с постели и низко кланяется.

– Можешь сесть обратно, – сказал король, отбрасывая назад толстый жгут волос. – Ты больна, я понимаю и разрешаю тебе сидеть в моем присутствии.

– Благодарю за честь, ваше величество, – отозвалась Джиад, с облегчением опускаясь на кровать. – Могу я спросить вас кое о чем?

– Спрашивай.

– Раз вы знаете мое имя, то знаете и то, что я принадлежу королю Торвальду Аусдрангу. Меня похитили и привезли сюда против воли. Мой господин будет искать меня, и вряд ли ему понравится, что морской народ вмешивается в земные дела и забирает под воду людей.

Она ждала чего угодно. Король иреназе мог рассмеяться, заявив, что никто не найдет Джад под водой, мог разгневаться на дерзость, мог... Неизвестно, что еще он мог! Вместо этого Кариалл взглянул на неё со странным выражением, которое у человека можно было бы назвать сочувствием.

– Ты не понимаешь, женщина-воин, – так же мягко и тяжело прозвучало из уст короля. – Твой повелитель прекрасно знает, где ты. Разве не он послал тебя к моим людям?

– Что? – выдохнула Джад.

– Король Торвальд Аусдранг заключил со мной договор. Двадцать лет корабли людей смогут плавать по морю беспрепятственно, избегая лишь некоторых запретных областей, куда меньших, чем раньше. За это он отдал мне тебя, Джад из Арубы.

– Я не верю, – тихо сказала Джад. – Этого не может быть.

– В предательство трудно поверить, – без малейшей улыбки, с совершенно каменным лицом произнес король. – Ты прыгнула на морское дно за перстнем, который принес ему трон и корону, он же расплатился с тобой вот так. Да, я знаю, что произошло две недели назад между тобой и моим сыном. Я знаю и то, что случилось в скалах над Проклятой бухтой. У нас хорошие шпионы в человеческих городах. Мы не любим людей и потому присматриваем за ними. Я говорю правду. Мог бы поклясться, но ты еще не знаешь наших клятв и не поверишь мне. Просто подумай. Подумай, Джад. Кто мог знать, что тем вечером ты будешь в таверне на берегу моря? Только тот, кто послал тебя туда. Или ты думаешь, что твоя жизнь для твоего повелителя дороже, чем двадцать лет морской торговли? Я мог бы приказать попросту выкрасть тебя из дворца, но короли иреназе не воры. За тебя заплачено, женщина-воин, и заплачено по-королевски.

– Я не верю, – упрямо повторила Джад, задыхаясь от непонятной боли в груди. – Он не мог.

Вода вокруг струилась зелено-голубым, и дышать в ней было трудно, почти невозможно для той, у кого поперек горла встал тугой горький комок. Джад вспоминала. Торвальд ни разу не лёг с ней после коронации. Только сегодня... Будто прощаясь! Или попросту решив получить удовольствие напоследок. И письмо дал ей Торвальд, велел найти в таверне Карраса, а Каррас оказался алахасским наемником. Торвальд сказал, что ему жаль – и Джад услышала в его словах сожаление о том, что придворные не поймут их связи. О, конечно, не поймут! Сейчас ему самое время искать жену, способную укрепить короля на троне, а бывшая любовница рядом – досадная помеха. Зато двадцать лет морской торговли – на весах пользы для королевства это перевесит что угодно. Даже королевское слово. Не на что обижаться. За неё и впрямь заплатили поистине королевскую цену. Двадцать лет мореходства и честь Аусдрангов – вот её цена.

ГЛАВА 5. О ЧЕМ МОЛЧАТ ЛЕГЕНДЫ

Темнели в зелено-голубом полумраке воды карие глаза, так не похожие на яркую синеву зрачков его сына. Король иреназе молчал, ожидая, позволяя Джаид понять сказанное, осознать до самого конца. Но поверить в то, что Торвальд предал, было совершенно невозможно. Должно быть какое-то иное объяснение. Кто-то обманул Торвальда, устроил все это с договором, чтоб заставить его послать Джаид в таверну. Это единственное объяснение. Иначе...

Джаид глубоко вдохнула, уже не боясь воды, чуть заметно покалывающей нос и дыхательное горло изнутри. Неважно. Это неважно, потому что узнать правду все равно сейчас не получится. И думать пока надо не об этом. Ведь если решить, что Торвальд ее предал – как жить с этим?

– Даже если вы правы, – разомкнула она губы, глядя на иреназе. – Если все это так, я не предмет торговли. Я жрица храма Арубы, телохранитель, а не рабыня. Кто бы ни заключал с вами договор, он не имел права распоряжаться мной.

– Это так, – тяжело уронил король. – Я признаю, что сделка была бесчестной по отношению к тебе. Но это ничего не изменит, потому что выбора нет ни у тебя, ни у нас. Выслушай, прежде чем судить. Наверху люди многое забыли о нашем народе, а еще больше никогда не знали. Тебе известно, что иреназе выбирают пару однажды и на всю жизнь?

– Это известно любому ребенку, слушающему сказки, – буркнула Джаид. – И я слышала, конечно. Про морскую принцессу Ираэль и принца Эравальда Аусдранга...

Ответом был долгий взгляд короля, такой холодный и пронизывающий, что Джаид напряглась, не понимая, что сказала не так. А что она сказала что-то очень нехорошее – это было ясно.

– Никогда не произноси этих имен здесь, – сказал после томительно долгой паузы король. – Они под запретом. Услышит кто-то другой – навлечешь на себя беду. Ты нужна нам, жрица из Арубы. Нужна живой, но вовсе не обязательно невредимой. Язык, например, может оказаться лишним.

– Я поняла, – бесстрастно отозвалась Джаид, садясь на ложе совершенно прямо. – Прошу прощения, ваше величество, если по незнанию оскорбила чем-то. Я запомню.

Взгляд короля явно смягчился. Он кивнул, отведя взгляд от Джаид, с которой словно сняли тяжеленный груз.

– Хорошо. Ты умна, это удачно. Мы выбираем себе пару один раз, – негромко продолжил король. – Все иреназе в одном городе-государстве – родственники, потому супруга нужно искать в другом городе. Добрачные связи – сколько угодно, но при них не происходит зачатления.

– Чего? – переспросила Джаид, полагая, что не расслышала.

– Людям оно неизвестно. Это ваша беда или ваше преимущество, уж не знаю, но так судили боги. Если двое из разных городов, достигшие созревания, возлягут друг с другом, они будут связаны на всю жизнь богами. Их тела больше не пожелают никого, кроме законного супруга, а близость с ним всегда будет слаще, чем все, испытанное с другими. Этот союз нельзя расторгнуть, как нельзя разлучить супругов. Если сделать это насильно, оба будут чахнуть в разлуке.

– А если кто-то из них умрет? – осторожно спросила Джаид, боясь думать о том, к чему ведет рассказ морского короля.

– Тогда второй либо исчахнет от тоски, либо будет оплакивать его до смерти. Запечатление второй раз невозможно.

Взгляд короля встретился со взглядом Джаид, и в глазах иреназе промелькнула такая глубокая боль, что Джаид, уже готовая спросить, прикусила язык и опустила голову.

– Ты верно поняла, – прозвучал бесстрастный голос иреназе. – Та, что ушла к предкам, оставив новорожденного Алестара и меня, забрала с собой мое сердце. Это было две дюжины лет назад. Я король своего города и народа; у меня, разумеется, есть наложницы, готовые усладить тело ласками, развлечь разум и развеять печаль души беседой, но когда-нибудь, когда мой сын будет готов к правлению, я оставлю ему трон и отправлюсь в ту пещеру, где лежит мое счастье, чтоб уснуть рядом с ней. Две дюжины лет я жду этого с нетерпением, как когда-то ждал свидания с возлюбленной невестой.

– Я... сожалею, – тихо отозвалась Джаид, чтоб сказать хоть что-то, и никакая сила на свете сейчас не заставила бы её произнести, что лучше бы королю не отправляться в ту пещеру как можно дольше. А то город и народ наплачутся от рыжей твари, если он и есть наследник.

– Да, ты кажешься способной это понять, – согласился король. – Тогда пойми и другое, Джаид из Арубы. Алестар – мое единственное дитя и наследник, надежда народа Акаланте. В королевских семьях редко бывает по одному ребенку, это слишком большой риск, но так уж вышло. Он вырос во всеобщей любви и полном обожании, ему многое прощалось, и хоть я старался воспитывать его, как подобает, боюсь, мне не во всем это удалось.

Король вздохнул совсем по-человечески. Джаид, старательно разглядывая узор из черно-белых плиток под ногами, молчала, не представляя, что можно сказать.

– Он не терпит отказа ни в чем, – заговорил вновь король. – Алестар считает, что весь мир принадлежит ему и создан для его удовольствия. Так и есть, потому что в нашем городе любая из девушек посчитала бы за честь, упади взгляд принца на неё, а девы других городов запретны, и этого не изменить.

– Я это за честь не считаю, – бросила Джаид, с трудом сдерживая злость, от которой даже щеки загорелись.

– Я знаю, что наверху иначе смотрят на многое, – бесстрастно ответил король. – Но знаю также и то, что для своего господина ты была не только клинком и щитом, но и усладой на ложе.

– Не ваше дело!

– Увы, мое. Уложив тебя на песок ради случайной забавы, Алестар поплатился за свой поступок дороже, чем ожидал. Его тело восприняло тебя, как чужую кровь. Ту, с кем возможно супружеское запечатление.

– Этого не может...

– Не трать слов даром, – прервал её король со спокойной властью. – Это уже случилось. Поверь, меня это печалит больше всех. Алестар сговорен с принцессой соседнего королевства, брак должен быть заключен к осенним холодам. Что я теперь скажу королю Карианда? Что мой сын, наследник и будущий король связал себя с человеческой девушкой? Над моей семьей, над всем моим народом будет смеяться каждая безмозглая медуза.

– Так это я виновата?

Джаид вскочила на ноги, уже не думая об этикете, и едва не всплыла вверх от резкого движения, в последний момент зацепившись ногой за край ложа. Злость кипела внутри, требуя выхода, в висках билась кровь, и лицо горело, так что вода показалась холодной.

– Прощу прощения, что невольно нарушила ваши планы на брачный союз для принца, – выплюнула она, глядя в лицо королю. – Не знаю, что он вам рассказал, но я становиться его забавой не собиралась. Я даже защищаться не могла, потому что он угрожал отомстить людям побережья! Отличный выбор был...

– Это я тоже знаю, – прервал её король. – Его охрана приставлена мной, они пересказали каждое слово, прозвучавшее там. Успокойся. Сделанного не исправить. Какое возмещение ты хочешь за это?

– Единственное возмещение, которое я бы приняла – это извинения самого принца и немедленная свобода, – с горечью произнесла Джаид. – Но догадываюсь, что ни того, ни другого не получу. Эти узы, о которых вы говорили, их можно разорвать?

Надежда, что король кивнет и скажет, что именно для этого её сюда и приволокли, еще теплилась, но двадцать лет морской торговли – слишком высокая цена за то, чтобы немного погостить на морском дне. Джад понимала это, и все же, когда король медленно покачал головой, её накрыла холодная волна слепого отчаяния.

– Пока – нет, – подтвердил король, меняя положение тела так, чтоб опереться хвостом иначе. – Но все мои ученые жрецы и целители сейчас ищут способ. Не сомневайся, нам этого хочется не меньше.

– Да неужели, – вымученно съязвила Джад, снова опускаясь на постель и борясь с желанием съежиться, обняв руками колени. – Кто же вам поверит...

Плотная вода мешала сесть, как обычно, но и стоять в ней было тяжелее, чем сидеть, а у неё все больше кружилась голова, и рот наполнился вязкой горькой слюной, которую она пока сглатывала. Еще не хватало вырвать в присутствии морского короля, чтоб его...

– Ты думаешь о себе, – сказал король, не сводя с неё взгляда. – Но если что-то случится с Алестаром, это будет общей бедой нашего города. Я уже не способен зачать ребенка, других наследников нет. Что бы ни произошло, какова бы ни была цена, с головы принца не должен упасть ни один волос. Запомни это, Джад. Потому что платить будешь не только ты. Ваш народ причинил нам достаточно горя в прошлом. Вы ловили нас сетями и били острогами, как рыбу. Вы выставляли нас на потеху в балаганах, держа в тесных вонючих бочках. В ваших сокровищницах полно перчаток, поясов и шкатулок из нашей кожи и чешуи, а ваши маги столетиями пытались приготовить эликсир бессмертия из крови иреназе. Как думаешь, эту кровь отдавали добровольно? Знаешь, что по вашим поверьям съесть сердце иреназе помогает вылечиться от любой болезни? В этом нет ни капли правды, но люди надеются и ловят наших детей, из любопытства подплывающих к вашим кораблям. Они не считают нас равными себе существами, и мы научились платить вам тем же. Да, ты не виновна в грехах других. Но ты должна понять. Здесь не любят людей, потому что слишком долго не видели от них добра, зато зла было предостаточно.

– Что вы со мной сделаете? – обреченно спросила Джад, стискивая сплетенные пальцы на колене и продолжая рассматривать плитки, которые так и норовили расплыться перед глазами.

– Ничего ужасного. Ты будешь жить в покоях Алестара или там, где он тебе прикажет. Ты будешь принимать его на ложе и не откажешь ни в чем. В пределах разумного, конечно. То, что ты запечатлена с Алестаром, ставит тебя выше всех его наложниц, но ты не законная супруга и никогда ею не будешь. Ты понимаешь это?

– И не дайте боги, – зло сказала Джад. – Лучше сразу убейте. Значит, я теперь его игрушка?

– Нет, – спокойно ответил король. – Ты лекарство для больного. Алестара тоже не радует то, что он сотворил. Но близость с тобой ему необходима. Сама все поймешь... Тебе запрещено выходить за пределы дворца без охраны и моего разрешения или приказа Алестара. Если что-то понадобится, говори его слугам, они будут служить и тебе.

– В пределах разумного, конечно? – растянула губы в невеселой усмешке Джад.

– Конечно, – бесстрастно подтвердил король. – Если у тебя найдут оружие или что-то, способное причинить вред, будешь наказана. Если ты хоть чем-то повредишь принцу, наказана будешь не только ты. Я найду тех, кто тебе дорог, кем бы они ни были, и они будут умирать на твоих глазах, долго и мучительно.

– Долго же искать придется, – огрызнулась Джад, стыдясь бессильной злости в собственном голосе.

– Те, кто служит нам, есть везде, – с той же ледяной бесстрастностью отозвался король. – И в Арубе тоже. Твои учителя в храме и те, кто учился с тобой, заплатят за твою непокорность. Подумай, стоит ли оно того?

– Теперь я вижу, у кого принц учился уговаривать, – тихо и бесцветно сказала Джаид, отводя взгляд от тяжелого, пронизывающего взора морского владыки.

– Говори, что хочешь. Я понимаю твою боль и стыд. Но у меня нет выбора. Если я останусь без наследника, город будет завоеван другим родом, а море здесь благодатное, и многие захотят переселиться к побережью из глубин. Будет война... Алестар бесценен не потому, что он мой сын. Он будущее всех нас.

– Паршивое тогда у вас будущее, ваше величество, – так же тихо отозвалась Джаид. – Что ж, я поняла. А если ваши жрецы не смогут разорвать эту... связь?

– Вот тогда и поговорим об этом. Ты узнала о наказании. Не хочешь спросить о награде?

– За меня уже заплачено.

Поднимающаяся изнутри тошнота крутила внутренности, больше всего Джаид хотелось, чтоб её оставили в покое. Сейчас хорошо бы прочистить желудок, напиться прохладной чистой воды... Но как здесь пить? И есть? И все остальное тоже непонятно... Хотя, о ней наверняка позаботятся, как о ценном имуществе... Бежать! Неизвестно как, но бежать. Наверху они её второй раз не достанут. В арубских храмах учили не только драться, но и менять внешность, прятаться среди толпы в городе или в лесной и горной глуши. Дома, в храме, ее укроют от кого и от чего угодно, там ее семья, пусть и не по крови, а по духу. Только бы выбраться отсюда, а для этого придется притвориться покорной, но не слишком. Король не глуп, он понимает, что пленница просто так не смирится...

– Я заключал договор с твоим прежним господином, не с тобой. Поверь, если все закончится удачно, ты вернешься наверх богатой настолько, что внуки твоих внуков смогут жить безбедно.

– Обойдусь, – буркнула Джаид.

– В самом деле? – в голосе короля теперь чувствовалась мягкая насмешка и что-то еще, что она не могла понять. – Ты можешь не верить мне, но твой прежний господин тебя уже не ждет. Или ты вернешься к тому, кто тебя продал, как вещь? Я покупал не удовольствие для своего сына, а спасение города. Знай он об этом, мог бы получить куда больше. Торвальд Аусдранг никогда не станет другом и союзником иреназе, потому что предавший однажды предаст снова. Но ты – дело другое. Джаид, не считай меня врагом. Каждый день, проведенный рядом с Алестаром, я возьму так щедро, что ты и представить не можешь. Не хочешь брать для себя – возьми для храма. Там ведь воспитывают сирот и подкидышей? Разве Аруба не скажет тебе спасибо за новый храм со всем необходимым на годы и годы вперед?

– Ваше величество... – Джаид глубоко вдохнула и выдохнула, прежде чем продолжить, чтобы успокоиться и не сказать совсем уж лишнего. – Не судите всех людей одинаково. Я уже поняла, что выбора у меня нет. Буду отбиваться – потащите силой или одурманите чем-то, ведь так? – По тому, как едва уловимо дернулся взгляд короля, она поняла, что угадала, и продолжила: – Бархатные веревки, как у нас говорят, держат не хуже пеньковых. Но если вам и в самом деле хоть немного стыдно, никогда – слышите? – не предлагайте мне ничего за то, что со мной сделаете. Я не шлюха. Оставьте мне хоть это утешение. Или, клянусь, я верну вашу плату в море, оставив себе ровно столько, чтоб хватило на веревку – удавиться.

Она посмотрела в лицо королю – и повелитель моря первым отвел взгляд. Джаид же почувствовала, как рот наполняется чем-то горько-соленым, и лишь сглотнув, поняла, что это кровь из прикушенной ненароком губы. Странно... Не больно даже. Только голова все сильнее кружится.

– Жаль, что вы с Алестаром не встретились иначе, – уронил король, поднимаясь с ложа.

Вильнув хвостом, он завис в паре шагов от Джаид, внимательно разглядывая её, и снова повторил:

– Жаль... Что же, пусть будет по-твоему. Тогда прими мою благодарность и извинения. И если тебе что-то понадобится, попроси через слуг о встрече со мной.

То ли взметнулась серебряная пыль, закружившись вокруг хвоста уплывающего короля, то ли вода заискрилась в свете странных шаров на стенах, но Джад, стоило королю скрыться за вращающейся дверью, согнулась пополам. Боль, рвущая её изнутри, застилала глаза красным. Она едва различила метнувшегося из-за двери уже виденного иреназе, который, быстро и ловко разжав ей рот, сунул туда что-то сочное, мокрое.

– Жуйте и глотайте.

Мотая головой, Джад попыталась выплюнуть волокнистую мочалку, но рот ей плотно зажали, а мочалка неожиданно оказалась приятно кислой. Пожевав немного и сглотив слегка вязкую жидкость, Джад поняла, что в голове проясняется, да и боль уходит.

– Пейте, госпожа.

Возле её губ снова оказалась та же самая бутылка, затянутая пленкой. Иреназе, поняв, что девушка не знает, что делать, покачал бутылкой, в которой что-то захлюпало, и пояснил:

– Лекарство. Порвите языком и пейте. До дна.

Приникнув губами к горлышку, Джад попыталась проткнуть кончиком языка пленку, неожиданно легко поддавшуюся, и жадно приникла к обычной пресной воде с каким-то горьковатым привкусом. Мелькнуло в мыслях, что как раз сейчас её и могут напоить дурманом, чтоб принцу было удобнее пользоваться бесчувственное тело, но... зачем? Алестар – или как его там – не из тех, кому все равно, ему нравится унижать добычу. Вот скорее дурман какой-нибудь подольют. Но вода была такой упоительно вкусной, несмотря на горечь, так блаженно орошала пересохшее от морской соли горло, что Джад рискнула и допила все до капли. Иреназе одобрительно кивнул, потянул её за руку.

– Куда? – сквозь зубы процедила Джад, невольно упираясь и подозревая, что к принцу её оттащат прямо сейчас.

– Готовиться, – последовал короткий ответ, но, глянув на ее возмущенное лицо, иреназе пояснил: – Волосы короткие – плохо. Некрасиво. Короткие волосы – рабыня. Вы не рабыня, вы избранная юного повелителя...

Иреназе и впрямь с явным огорчением смотрел на короткие, всего до плеч, волосы Джад. Значит, с короткими волосами у них тут ходят рабы? И, значит, здесь есть люди? Или иреназе тоже бывают рабами? Мысли бестолково путались, но Джад постаралась запоминать каждую мелочь, пока настырный хвостатый тащил её по длинному извилистому коридору. Если она решит бежать, пригодится все. Если удастся выбраться из дворца, вдруг рабы здесь обязаны носить ошейники, как в султанате, например? И каждый, встретивший стриженую девушку без ошейника, должен поднять тревогу? Мелочей не бывает... Надо продумать все хорошо, потому что второй возможности ей не предоставят, хоть бы одну найти. А пока придется терпеть. Терпеть, как бы ни было мерзко и гадостно. Не убьет же её хвостатый принц, этого ему, как поняла Джад, нельзя – самому хуже станет. А вот покуражится вволю... Надо терпеть.

Об этом пришлось напоминать себе уже скоро, когда провожатый вывел Джад в большой круглый зал с разноцветными стенами, посреди которого было несколько выложенных мрамором углублений с входящими и выходящими из них желобами. Ступив в указанное место, Джад почувствовала, что вода в этой странной морской ванне намного теплее, а пара девушек-иреназе, ожидавших рядом с невысоким столом, тут же взялась за неё так радостно, как дети хватают долгожданную игрушку. Стянув и отбросив в сторону одежду Джад, её тело тщательно терли и мыли, хотя что там было мыть после стольких часов в воде; её волосы, огорченно цокая языками, смазывали какой-то зеленой дрянью, потом тщательно промывали, перебирая едва ли не по волоску, мазали другой дрянью, уже розовой, снова мыли, и Джад всерьез начала опасаться, что к концу процедуры станет такой же длинноволосой, как хвостатые девицы морского народа, суесящиеся вокруг. Даже пощупала как бы невзначай, но ничего вроде бы не изменилось.

Потом ей подпиливали ногти на руках и ногах, предварительно намазав все тело чем-то коричневым и даже в воде липким, а когда через некоторое время смыли, оказалось, что вместе с коричневой мазью, унесенной слабым, но заметным течением, с тела Джаид исчезли все до единого волоски. Смотреть на свой безволосый, голый, как у младенца, низ живота, было странно и унижительно, но и это оказался еще не конец. Деловито ощупывая, поворачивая, как куклу, девицы растерли её тело каким-то зельем, от которого кожа приятно загорелась, потом одна принялась умело разминать ей плечи и шею, а вторая полезла в рот с какой-то щеточкой. Джаид, понимая, что спорить с прислугой глупо, позволила вычистить себе зубы, как предназначенной на продажу лошади. В самом деле, это-то зачем? Сомнительно, чтоб принц кинулся её целовать. Он людей зовет не иначе, чем двуногими, и явно ими презругает...

Сплюнув пену в уносящую все струю воды, Джаид, почти расслабившаяся под гибкими и неимоверно сильными пальцами, мнущими спину, не сразу поняла, что другие пальцы настойчиво лезут к ней между ног. Дернулась, но ей успокаивающе защебетали в два голоса, явно посмеиваясь над дикаркой с суши, и пришлось вспоминать, что она собиралась играть в покорность, пока гибкая девчонка-служанка убирала с ее потайных мест остатки волосков и умащала какой-то прохладной мазью, нисколько не стесняясь такого похабства. Больно не было, только тошнота вновь вернулась, стоило представить то, к чему её явно готовили. Проклятье, ухаживают, как за королевской фавориткой. А она не шлюха, демоны побери всех иреназе, и ублажать надменную мразь... Хуже смерти? – задала она себе честно вопрос, отбрасывая руку хвостатой прислужницы, вознамерившейся нацепить на нее дюжину – не меньше – широких сверкающих браслетов. Если они золотые, то с такими украшениями и кандалов не надо, а браслеты, судя по тому, как держала их иреназе, были из чистейшего золота, усыпанного россыпью разноцветных камней.

Джаид вспомнила королевский двор Аусдранга и украшения высшей знати. Там за такой браслет вполне можно было заполучить в постель какую-нибудь герцогиню. А если за весь набор... Её передернуло. Нет уж, умирать она пока не собирается. Ей нужно вернуться и спросить Торвальда – обо всем. Это стоит того, чтобы потерпеть.

– Нет, я сказала! – рявкнула она на служанок, удивленно воззрившихся в ответ. – Никаких побрякушек. Пока не прикажут, сама не надену!

Пожав плечами и переглянувшись, те оставили в покое шкатулку размером с матросский сундучок, за содержимое которой казначей Торвальда продал бы душу демонам. Откинутая крышка открывала взгляду сияющую россыпь ожерелий, колец, браслетов и еще чего-то, что Джаид бы даже не определила, куда и как надеть. Похоже, о богатствах морского дна легенды не врал. Еще бы. Это сколько кораблей утонуло за века и века... И еще неизвестно, какие из них утонули по воле богов от шторма, а какие были пущены ко дну самими иреназе, – зло подумала Джаид. Все эти побрякушки, ручаться можно, сняты с утопленников, отмыты от гниющего мяса или подобраны среди выбеленных рыбами и крабами костей.

Хвостатые тем временем вместо прежней одежды надели на нее приталенную тунику из блестящей, словно серебряной ткани. Умелый крой верха подчеркнул грудь, а короткий подол открыл ноги до середины бедра, обрисовав их мягкими складками. Ткань, оказавшаяся чем-то вроде шелка, скользила и нежила кожу, совершенно не стесняя движений, и Джаид почувствовала себя хуже, чем голой. Бросив взгляд, она убедилась, что ее собственную одежду уже унесли. Жаль, там по карманам было несколько полезных мелочей. Ничего, оружие она, когда придет время бежать, может сделать из чего угодно. Главное, не причинить вреда рыжей твари – ни малейшего. Плевать на то, что сделают с ней самой, но от голоса и взгляда короля, когда он говорил об арубском храме, пробирал мороз. Джаид стиснула кулаки, уговаривая себя потерпеть. У её легенды будет тот конец, который придумает она сама.

ГЛАВА 6. СЛАДОСТЬ И ГОРЕЧЬ ЗАПЕЧАТЛЕНИЯ

– Принц... мой принц...

Тихий шепот раздавался совсем рядом, мягко, но настойчиво пробуждая Алестара ото сна. Еще не открыв глаза, он протянул руку, нащупал длинные шелковые пряди и впел в них пальцы, притягивая говорящую к себе. Обнял другой рукой готовно прильнувшую наложницу, уткнулся губами в макушку. Стало немного легче, показалось даже, что мучительный, доводящий до иступления жар спадает от прохлады лежащего рядом нежного тела. Но это только показалось. Санлия, милая, славная, всегда понимающая и готовая помочь, чем только можно – оставалась всего лишь Санлией. Глотком воды, не способным утолить иссушающую Алестара жажду.

– Её доставили, мой принц, – терпеливо повторила Санлия. – Вашу запечатленную привезли с земли.

Алестар, осознав, рывком приподнялся на ложе, невольно сбросив лежащую на его груди темноволосую головку наложницы.

– Двуногую? Где она?

– Мой принц... Прошу вас. Его величество велел, чтобы вы дождались его для разговора, прежде чем идти к своей избраннице.

– Она не моя избранница, – зло выдохнул Алестар, сбрасывая руку наложницы со своего плеча. – И не смей её так называть. Это двуногая тварь, с которой я встретился, когда боги отвернулись. А где отец?

– Его величество отправился на южную границу, – виновато опустила глаза Санлия. – Похоже, что там пробуждается вулкан. Повелитель велел передать, что вернется так быстро, как только сможет, и просил до его возвращения не трогать... эту девушку.

– Быстро?

Алестар встряхнул спутанные спросонья волосы, стиснул пальцами ноющие виски.

– Я и так ждал слишком долго. Сан, это невыносимо! У меня все тело горит... Усыпить вулкан – уже не меньше дня, а еще дорога туда и обратно. Я не выдержу.

– Выпейте это, принц...

Не глядя, Алестар взял поданный сосуд, принял к горлышку. Сил едва хватило на то, чтобы порвать оболочку, берегущую целебное питье от внешней воды. Унизительно пить лекарство, как больному... Горьковатый вкус ничуть не освежал, но через несколько мгновений показалось, что жар стал спадать и в голове прояснилось. А вот желание увидеть проклятую тварь, почувствовать губами вкус её кожи и услышать стоны – только усилилось.

– Где она, Санлия? Я только посмотрю. Ну, может, парой слов перекинусь...

Алестар кинул на ложе пустой сосуд, приподнял кончиками пальцев подбородок наложницы, улыбнулся.

– Ну же... Я не скажу отцу. Санлия, ты ведь принадлежишь мне, а не королю, вот и слушайся меня.

– В покоях Кассии, – прошептала Санлия, отводя взгляд.

– Что? Кто... кто посмел?

Алестар взвился с ложа, оглядываясь в поисках набедренной повязки.

– Ваше высочество, это приказ короля, – торопливо отозвалась Санлия, не делая, впрочем, никаких попыток удержать – да и как бы она посмела. – Это самые близкие к вам покои, достойные вашей...

– Не смей её так звать! – закричал Алестар, выхватывая повязку из протянутой руки наложницы. – Да она недостойна даже дышать водой из комнаты...

Не договорив, он рывком обернул ткань вокруг бедер и торопливо выплыл в коридор. Стены колебались вокруг, но к этому Алестар успел привыкнуть за дни и ночи бреда, пока целителям не удалось сварить питье, хоть немного облегчающее разлуку запечатленных. И пусть ни приступы боли, ни изнуряющий жар питье до конца не снимало, все же с ним было легче. Уж точно легче, чем в первые дни, о которых вспоминать до сих пор тошно...

Перед дверью покоев Кассии Алестар, летящий по коридорам, как от дикого салту, все же остановился. Уперся ладонью в выступ дверного рычага, замер, пытаясь отдышаться. Отец будет нескоро... А оказаться совсем рядом с двуногой и не тронуть её – как вытерпеть? Перед глазами стояло ненавистное лицо существа из верхнего мира. Неприлично резкие и высокие для девушки скулы, бездонные черные глаза, четко очерченные пухлые губы... Как отцу удалось её заполучить? Впрочем, это неважно. Отец сам говорил, что двуногая будет принадлежать Алестару до тех пор, пока целители не найдут способ разорвать связь! И будь этот разговор чем-то важным, отец оставил бы письмо с прямым запретом...

Алестар снова глубоко вздохнул. Нарушить приказ отца... Но он больше не может терпеть! Кровь стучала в висках, раскаленные волны катились по всему телу, а там, совсем рядом, было избавление. Алестар это чувствовал! Да какая разница: сейчас или через пару дней? Может быть, он только посмотрит...

Он толкнул дверь, задышавшись от непонятного страха и возбуждения. Проплыл внутрь. Двуногая была внутри. В комнате, из которой – внутри Алестара поднималось тяжелое ледяное бешенство – вынесли все вещи Кассии. Осталось только ложе, на котором они валялись после охоты или сидели, расчесывая друг другу волосы, смеясь и разговаривая. Ложе, которое теперь поганила двуногая скотина!

Подплыв ближе, Алестар поймал нагло спокойный взгляд двуногой. Её уже успели отмыть от земной грязи, переодеть, как подобает наложнице, только украшений почему-то не было. Ну, оно и правильно – еще не заслужила...

– Какая встреча... – глумливо протянул Алестар, опираясь рукой на край ложа и медленно окидывая взглядом почти не скрытое облегающей туникой тело от лица до кончиков уродливых отростков на ногах. – Надеюсь, ты счастлива оказанной тебе честью?

Двуногая молчала. Даже не пошевелилась, чтобы встать и приветствовать хозяина. Ничего, это мы тоже исправим...

– Кажется, твои манеры с прошлого раза стали хуже, – насмешливо сказал Алестар, ловя взгляд непроницаемых черных глаз. – Интересно, чем же ты не угодила своему хозяину, что он решил от тебя избавиться?

Двуногая молчала. Алестар даже предположить не мог, что молчание может быть таким... выразительным. Что глаза, неестественно, почти уродливо темные, могут говорить громче и яснее рта. А говорили они о спокойной презрительной ненависти.

– Что ж, помолчи, – усмехнулся Алестар. – Действительно, что толку разговаривать с такой тупой тварью? Надеюсь, приказ раздеться ты поймешь? Или позвать слуг, чтоб помогли?

Все так же молча двуногая подцепила пальцами край туники. Стянула и скомкала роскошный восточный тилламас, из которого та была сшита, отложила на край ложа, где туника осталась лежать серым комочком, медленно расправляющимся в воде.

– Молодец, – кивнул Алестар. – Хорошая зверюшка. В следующий раз принесу тебе рыбки, а пока не захватил...

Он внимательно следил, не изменит ли каменное лицо двуногой выражения хоть на мгновение, не дрогнет ли что-то в глубине черных глаз. Но нет, его новая наложница смотрела все так же ненавидяще ровно. И даже дышать чаще не стала.

Алестар посмотрел на обнаженную грудь сидящей перед ним девушки, тонкую талию, плавную линию стройных бедер. Долго посмотрел, внимательно... Под его взглядом двуногая

подтянула к себе и обняла колени, укладывая их набок, прячась. Значит, не так уж тебе и все равно, да? Вот и хорошо, вот и славно.

Он сам не знал, почему так яростно хочет сделать ей больно и словами, и делом. Потому что она не покоряется, глядя на него с холодной брезгливостью? Потому что она из народа двуногих? Или просто потому что она заняла место Кассии?

– Тебе уже рассказали все, верно? – спросил он, следя за взглядом наложницы. – Про то, что ты избранная, про запечатление... И ты, наверное, решила, что представляешь из себя что-то особенное? Что с тобой будут обращаться лучше, чем ты заслуживаешь? Да не молчи же ты, тварь двуногая!

Вместо ответа двуногая отвела взгляд. Не из страха – нагло, напоказ, рассматривая мозаику из перламутра и камешков на стене комнаты так, словно ничего интереснее в жизни не видела. Ах ты ж, скотина!

Алестар взмахнул хвостом, подплывая ближе, нависая над сидящей, так что хвост коснулся ложа.

– Хватит разговоров! – бросил, задыхаясь от острой боли в груди. – Я здесь не для этого. Давай, ложись.

Так же молча двуногая откинулась на широкое ложе, стиснув покрывало пальцами.

– Вот и молодец, – усмехнулся Алестар, склонившись над напряженным телом. – Считаю, еще рыбку заработала.

Тронул твердые, будто камень, плечи, удивившись, какие они горячие. Ладно, у него-то лихорадка – а с этой что? Двуногая под прикосновением старательно не шевелилась, только вдохнула глубже обычного, когда Алестар провел ладонью по плоскому животу ниже, туда, где у иреназе начинается хвост. При первой встрече здесь был треугольник мягких черных волос, но служанки хорошо постарались, и теперь все тело двуногой стало гладким и шелковистым, как полированный мрамор. Интересно, как её приводили в порядок? И была ли она такой же каменной и невозмутимой? Надо будет в следующий раз посмотреть.

Неожиданно Алестар поймал себя на желании склониться еще ниже и лизнуть золотистую грудь. Просто попробовать, какая она на вкус? И тут же разозлился на себя за подобную глупость. Нет, это все запечатление. Ну, один разок он завалил эту двуногую ошибку богов, но просто из любопытства же! А теперь и вовсе дело лишь в запечатлении. Только в нем! И как же это мерзко – желать существо, которому не позволил бы служить ковриком у своей постели!

– Раздвинь ноги, – велел он, проводя ладонью по высокому холмику груди. – И попроси обойтись с тобой поласковой. Я добрый хозяин, когда зверюшки меня слушаются.

– Попросить?

Двуногая приподнялась на локте, закинула голову немного назад, напрягая плечи. Заговорила с холодным презрением:

– Попросить я могу только своих богов, чтоб ты поскорее сдох от собственного яда.

Алестару будто отвесили пощечину. То есть, он не знал, как это бывает, но лицо загорелось еще сильнее, хотя только что казалось, что он и так пылает. Дыхание перехватило, и он не сразу нашелся, что сказать. Да что эта тварь о себе возомнила? Она никто! Все они, выродки из верхнего мира, изгнаны богами из благодатных глубин, чтобы не оскверняли море своей ничемностью. Да если бы не амулет, созданный предками Алестара, эта темнокожая паршивка и нескольких минут бы в воде не выжила...

– Ну, если я сдохну, тебе первой не жить, – ласково пообещал Алестар, запуская пальцы в густые, но обидно короткие волосы земной дряни. – Так что лучше молись за мое здоровье, тварь двуногая. Вот побалуюсь с тобой – и можешь прямо сегодня начинать возносить мольбы.

Жаль, стиснуть густой темный шелк в пальцах никак не получалось: упругие и непослушные пряди почти сразу выскальзывали. Ничего, отрастут. И никаких заколок и кос – пусть плавают с распущенными, улаживая взор хозяина.

Алестар снова провел кончиками пальцев по груди двуногой, опустил ладонь на красивый живот с плоскими, но четко очерченными мышцами. В висках били горячие тяжелые молоточки, рот пересох, а бедра свело сладким спазмом. Двуногая молчала, и это было хорошо, потому что скажи она еще хоть слово – Алестар бы её ударил. Бить наложниц или слуг – отвратительная мерзость, Алестар никогда и пальцем не тронул никого из своих послушных сладких красавиц и всегда старался, чтобы девушкам было с ним хорошо, но это ведь не наложница, это вообще не иреназе... Да что же с ним такое? Откуда кипящая внутри злость и желание схватить, подмять, ударить? На мгновение перед глазами все поплыло, вода показалась багрово-красной, пахнувшей кровью, Алестар даже головой встряхнул, пытаясь сбросить наваждение.

– Я велел тебе раздвинуть ноги, – напомнил он, одним взмахом хвоста оказываясь сверху. – Или охрану позвать?

Гладкие плечи под пальцами Алестара окончательно закаменели, но почти сразу он почувствовал, как тело внизу шевелится. Вжавшись затылком в покрывало, двуногая подчинилась, раскрываясь, раздвигая то, чем боги наделили её народ вместо хвоста. И снова, как тогда, у Столба, Алестара опалил томный сладкий жар, заставивший прильнуть, вдавиться в это горячее, совершенно необходимое... Жар мешался с непривычной злостью, мешая думать, начисто туманя сознание мутной пеленой.

Кажется, двуногая дернулась и что-то простонала, но Алестару было плевать. Он еще сильнее раздвинул ноги земной твари хвостом, не давая их сдвинуть, и вошел одним резким грубым толчком, а потом вламывался, вбивался в восхитительно тугую и жаркую плоть, наслаждаясь каждым мгновением внутри. Никогда! Ни с кем! Ничего подобного! Оторви его сейчас кто-то силой, Алестар бы извивался от боли, словно у него вырвали кусок кожи. Не жалея добычу, он двигался как мог быстро, и с каждым толчком от макушки до кончика хвоста внутри него прокатывалась волна блаженства, топя рассудок. Еще... еще...

Двуногая молчала, не сопротивляясь, но и не подаваясь навстречу. Это было неправильно – Алестар чувствовал это каждой частичкой тела и разума – та, кто была внизу, должна была отдаваться сама, делить с ним жар и сладость, так же плыть в блаженном мареве... Но отклика не было, было лишь каменное тело и хриплое дыхание. И изливаясь в тугое, охватившее его плотно, почти до боли, лоно, Алестар едва не расплакался от разочарования. Все было слаще, горячее и острее, чем он когда-либо испытывал, но все же чего-то не хватало! Чего-то очень важного, необходимого... Будто он целый год ждал праздника Небесных Огней, а его накормили сытной, но совершенно обычной едой и велели идти спать, отняв праздник.

Разочарование было таким острым, что он едва не застонал, толкаясь в судорожно сжимающуюся плоть, ловя последние сладкие спазмы. А потом пришло опустошение. Боли и жара, преследовавших его столько дней и ночей, не было. Алестар уже и забыл, как это, когда ничего не болит и в голове не мутится. Мысли текли ясные и горькие. Так вот как это – запечатление. Но ведь с иреназе было бы лучше! Наверняка лучше, это все двуногая виновата, что Алестару так и не досталось того невыносимого блаженства, при разговоре о котором у запечатленных с парой начинают сиять глаза.

Отдышавшись, он с трудом разжал пальцы, видя, как на смуглой коже девушки проступают еще более темные следы. Но нахлынувший было тяжелый стыд почти сразу сменился такой же тяжелой упрямой ненавистью с вкусом крови, которой явно отдавала окружающая его вода. Синяки? Вот и хорошо. Салту клеймят, чтоб отличить зверей разных хозяев в стае, пусть и двуногая скотина носит его отпечатки. Злость мешалась с разочарованием и острой, выворачивающей наизнанку горечью. Это не земная тварь должна была сейчас лежать под ним, а Кассия. С ней все было бы иначе! Алестар бы ласкал её, нежил, выцеловывал каждую чешуйку и теплый мрамор кожи, пропускал между пальцев темно-золотые пряди... И Кассия, девочка его любимая, отдавалась бы ему с наслаждением, радостно отвечая на поцелуи и любовные

толчки, принимая и даря счастье. Почему? Почему боги так несправедливы? Он ведь уже почти уговорил отца на брак! Подумаешь, запечатление! С Кассией ему и без всякого запечатления было бы хорошо...

Резко оттолкнувшись, Алестар всплыл на несколько локтей от неподвижного тела. Издеваться над двуногой больше не хотелось. И так словно грязной воды наглотался. Полегчало – и ладно. Вот в следующий раз он так быстро не остановится. Двуногая тварь у него будет стонать и умолять быть добрее... А пока что – кракены с ней!

Подобрав колышущуюся у ложа тунику двуногой, Алестар молча обтерся ею, пока мужская плоть не ушла в паховую щель, отпустил испачканный лоскут и натянул свою повязку. Бросил последний взгляд на распростертое тело. Отец будет недоволен, если эта тварь пожалуется на грубость. Ну и плевать. Ничего уже не важно, и ничего никогда не будет так, как надо. Он никогда не сможет быть счастливым, что бы ни делал, так ради чего стараться?

Выплыв за дверь, он какое-то время бездумно шевелил хвостом и руками, лениво загребая теплую, наконец-то принявшую нормальное состояние воду. Коридоры, почтительно склоняющие головы придворные, жмущиеся к стене слуги... Знакомая дверь. Немного поколебавшись, Алестар толкнул плиту.

Санлия была у себя. Ждала его, конечно, она всегда как-то угадывает, когда нужна Алестару. Лежала на ложе среди высоких, обтянутых пестрой кожей подушек, опираясь на них спиной и даже головой – привычка, привезенная из Суаланы. В пальцах наложницы мелькала нить янтарных бус – Санлия собирала очередное ожерелье.

Подплыв ближе, Алестар опустил рядом на ложе, обнял, уткнулся между плечом и шеей, пряча лицо в шелк распущенных черных прядей. Санлия нежно погладила его по спине, принякая и обнимая в ответ.

– Ненавижу её, – помолчав немного, сказал Алестар. – Ненавижу... Тварь двуногая... Почему она?

Ответа не было, да Алестар его и не ждал. Что тут можно сказать? Тонкие, но сильные пальцы Санлии гладили его, унося боль, и хотелось лежать так вечно, спрятавшись от всего моря...

– Кассию не вернуть, мой принц, – прошелестел спустя долгое время голос наложницы в макушку Алестара. – У вас будет истинная запечатленная, благородная и прекрасная принцесса тир-на-Карианд...

Что ж, Санлия тоже не понимала. Или понимала, но не могла сказать в утешение ничего иного? Да и какая ей разница, кого возьмет в супруги бывший хозяин? После свадьбы наложниц принца ждет почетная отставка и какая-нибудь мелкая должность во дворце: все равно с ласками законной, запечатленной супруги им никогда не сравниться.

– Кариандка, так кариандка, – измученно пожал плечами Алестар, отодвигаясь и откидываясь спиной на ложе. – Мне все равно. А эту тварь я сломаю и приручу. Сама виновата... Не надо было мне дерзить.

Санлия молча взяла со столика расческу, потянулась к волосам Алестара. Позволяя расчесывать и перебирать длинные пряди, Алестар, наконец-то, расслабился. Качались вокруг плотные теплые волны сна, рядом была славная верная Сан, и боль из режущей стала глухой и тупой, только плакать хотелось по-прежнему, но, кажется, Алестар забыл, как это делается...

Когда за принцем иреназе закрылась дверь, Джад еще долго лежала лицом в покрывало, стискивая его зубами и мелко, противно дрожа всем телом. Потом перевернулась, уставилась невидящим взглядом в потолок. Внизу, между ног, пекло, как от огня, но даже эта боль не позволяла отвлечься. Было тошно. Так тошно и мерзко, словно она не просто извалилась в грязи, а нахлебалась ею, и скользкая холодная мерзость пропитала все её существо. Если бы сейчас

ей предложили выбирать: остаться здесь, спасая Аусдранг, или вернуться домой и никогда в жизни больше ничего не слышать об проклятых морских тварях, она, пожалуй, не нашла бы в себе силы отказаться. Да гори оно все огнем, почему Джаид должна платить за чужие забавы?

Едва сдержав стон, она приподнялась на локте. Смертельно хотелось пить, а еще вымыться. Вот странно: вода везде, но какая же она грязная! Стон превратился во всхлип. Неуклюже повернувшись, Джаид опять уткнулась лицом в покрывало, мечтая оказаться в Арубе. Она просто делала свою работу! Боги, за что ей это?

Стиснув мягкое, мокрое, как и все здесь, покрывало пальцами, она прижалась к ложу, не в силах даже одеться. Сейчас бы свернуться клубком, как в детстве, и поскулить тихонько, чтоб никто из воспитателей не услышал. Только тогда она плакала о доме и семье, которых никогда не знала, а сейчас...

Но все это пустое. Не тосковать и стыдиться надо, а думать, как выбраться, иначе она просто сойдет с ума и убьет рыжую гадину. Лекарство для больного? Да он издевался над Джаид, наслаждаясь этим, искал, как ударить побольнее, а потом просто изнасиловал. Неважно, что все было якобы по согласию: когда нет выбора – это насилие. И дальше будет только хуже. Принцу нравится ломать чужую волю даже больше, чем измываться над телом. Джаид чувствовала это всем существом, выученным улавливать настроение и характер других людей. Неважно, что у Алестара вместо ног – хвост. Он злой мальчишка, вроде тех, что там, наверху, обрывают крылья мухам или вешают котлов. Только этому дали игрушку поинтереснее...

Может, пожаловаться королю? Он, кажется, справедлив... Но тут же вспомнилось, как повелитель иреназе говорил о сыне. Что он, разрешит Джаид уйти? Пожалее за пару синяков – пальчики у принца оказались те еще... Велит ему быть с пленницей нежнее? Нет, это даже хуже и унизительнее. Надо терпеть, пока можно. И сбежать, как только получится. А для этого надо сейчас встать и отправляться на поиски здешних слуг: пусть покажут, где тут можно вымыться, как ни бредово это звучит. Да и все остальное вроде уборной... Не делать же это прямо в комнате? И еда... вода...

Джаид сама понимала, что пытается отвлечься, заглушить рвущую изнутри боль стыда. Что ж, в храме их учили многому, говорили и о таком, когда женщину унижают самым стыдным и мерзким способом. Нет потери чести в том, чтоб подчиниться насилию и вытерпеть боль. Потерять честь – это сдаться, не отомстить, не выполнить приказ. Потерять честь – это умереть, упиваясь собственной слабостью. А умирать должны враги. Тело воина – ножны для клинка души. Ножны для того и предназначены, чтоб пачкаться и рваться, сберегая клинок для боя. Пока клинок цел – ножны можно отмыть и залатать...

Знакомые сутры привычно и ясно звучали в ушах, будто Джаид сидела на горячей каменной террасе храма, скрестив ноги, сложив в молитвенном жесте руки и почтительно внимая наставнику. «Все преходяще, лишь честь вечна. И если тебя оболгали, утешайся тем, что боги видят правду. Уныние – ржа для клинка твоей души, стыд – точильный камень. Используй его в меру – звучали сухие ровные слова наставника. – Он может заострить клинок или привести его в негодность. Пока ты не сдалась, ты воин. В рабских цепях или на плахе – ты воин...»

Открыв глаза, Джаид длинно выдохнула, изгоняя напряжение из тела. Подумала, что грубость принца – это даже хорошо. Больного юношу, одержимого непонятным запечатлением, стоило скорее пожалеть, зато наглую рыжую мерзость можно с чистой совестью ненавидеть. Чтоб он отравился телом Джаид, не дожив до своей свадьбы...

ГЛАВА 7. ГЛАВНАЯ НАЛОЖНИЦА ЕГО ВЫСОЧЕСТВА

Джиад рывком села на кровати. Оглядела комнату, в которой, похоже, придется провести немало времени. Да, куда красивее любой виденной ею тюрьмы. Обстановки вот только маловато. Одна кровать, ни сундука, ни столика... Джиад внимательно присмотрелась к стенам. На них виднелись следы, словно от вбитых крюков или гвоздей. В углу – пятно. Наверху, на суше, это выглядело бы так, что стена вокруг чего-то выцвела от солнца, но здесь солнца нет, а пятно, наоборот, светлое. И все равно, похоже, будто что-то, стоявшее у стены, вынесли. Значит, комната была жилой. На стенах роскошная мозаика, полы покрыты гладко отшлифованными мраморными плитками. Зачем такое удобство там, где все равно не ходят, а только плавают? Разве что для красоты.

Джиад пощупала бортик кровати. Точно, глаза её не обманули: дерево тамис, что не гниет в воде и становится со временем только крепче. Очень дорогое дерево! Да, это точно не каморка для слуг или рабов. Кто же здесь жил до неё?

Изнутри вдруг поднялась волна тошноты. Вот проклятье! И уборной нет. А может...

Подобрав тунику, она прополоскала ее в воде и натянула, брезгливо передернувшись. Потом, оттолкнувшись от ложа, неуклюже подплыла к двери. Тело каждой мышцей вспоминало нежности принца Алестара, чтоб его демоны живьем побрали... С усилием толкнула тяжелую дверь, и – чудо! – та оказалась не заперта. За дверью еще один выход – уже запертый – и небольшая дверца влево. Джиад толкнула и ее, вплыла в открывшийся проем.

За дверью была маленькая комнатка, в полу уже знакомое углубление длиной в человеческий рост с парой отверстий в противоположных сторонах. На дне – Джиад попробовала ногой – горячая вода. Что-то вроде ванны, значит... Ванна в воде? Впрочем, им тут виднее. Может, любят понежиться в тепле. В самом дальнем от ванны углу какой-то странный куст топорищился кучей пушистых коричневых веточек на коротеньком стволе. Джиад подплыла ближе, потрогала мягкую ветку-кисточку и отдернула руку – ветка потянулась к её ладони, как живая. Следом за ней двинулись еще несколько, и Джиад поспешно отплыла подальше, оглядываясь вокруг.

Увы, ничего, похожего на уборную, не обнаружилось. Неужели они это делают прямо в ванну? Вода, конечно, проточная, но все равно... И спросить не у кого. Где обещанные слуги? Не хотят её тревожить? Джиад снова затошнило, голова закружилась. Похоже, от обычного голода... Последний раз она ела еще наверху, да и то в харчевню пришла уже голодной.

Она вышла-выплыла из комнатухи, толкнула дверь назад. Та подалась неожиданно легко, а ведь была плотно закрыта, когда она выходила. Неужели вернулся рыжий?

Нет, у примостившегося на постели незнакомого иреназе по плечам струились длинные черные волосы, а под светлой тонкой тканью туники круглилась высокая грудь. Женщина? И служанкой, ожидающей возвращения Джиад, она никак не выглядела. Джиад подплыла ближе, чувствуя себя отвратительно слабой и неуклюжей, зло подумала, что ей, вообще-то, не до гостей.

Темноволосая иреназе подняла на неё глаза, приложила к груди ладонь, колыхая рукавом. Вблизи было хорошо заметно, что кожа у неё не такая мраморно-белая, как у Алестара и других виденных Джиад морских жителей, а гораздо темнее, цвета топленых сливок. Да и хвост, свесившийся с низкого ложа, отливал не бледным золотом, но густой синевой. Складки богато вышитой жемчугом туники, перехваченной тонким золотым пояском, спускались с плеч иреназе и кутали её почти до середины хвоста, прикрывая бедра.

– Прошу прощения у благородной госпожи, – проговорила гостя, склонив голову чуть набок и лениво накручивая на палец тонкую, заплетенную от виска косичку, усеянную крупными янтарными бусинами. – Надеюсь, мое желание познакомиться с почтенной Джад не нарушает земных обычаев настолько, чтобы оскорбить её?

– Не нарушает, – ровно подтвердила Джад. – Простите, не имею чести знать...

– Да, конечно... С вашего позволения, мое имя Санлия ири-на-Суалана. Я главная наложница его высочества Алестара, хранительница дворцовых жемчужин удовольствия.

Она явно не смущалась столь сомнительного титула, назвав его спокойно и даже с гордостью. «Это не Аусдранг, – напомнила себе Джад. – Здесь, похоже, наложницы – дело такое же обычное, как в султанате, и, значит, гостя – и впрямь особа важная».

– Рада знакомству, почтенная госпожа Санлия ири-на-Суалана, – насколько могла церемонно выговорила Джад, чувствуя, что перед глазами вот-вот окончательно потемнеет.

– О, для вас я просто Санлия, не мне надлежит слышать слово «госпожа» из уст избранницы принца, – иреназе слегка сместилась к изножью кровати, грациозно шевельнув хвостом. – Простите за бесцеремонность, госпожа Джад. Если я не вовремя...

– Нет, почему же, – усмехнулась Джад, преодолевая сопротивление ставшей вдруг очень тугой воды и опускаясь на постель лицом к повернувшейся Санлии. – Я очень рада. Простите, что не могу принять вас должным образом: еще не совсем здесь освоилась...

– Понимаю... Вам, должно быть, нелегко привыкнуть к нашему миру.

Санлия рассматривала её с вежливым любопытством, и Джад выпрямилась, не желая показывать слабость. Села удобнее, ответила таким же прямым и, хотелось надеяться, спокойным взглядом. Старшая наложница наследника – это, похоже, что-то вроде официальной фаворитки при дворе, а фаворитки бывают куда влиятельнее законных жен. Но что там говорил король про положение самой Джад? Она запечатленная и стоит выше всех наложниц. Интересно, что об этом думает красавица-иреназе? Любить новую забаву принца ей явно не с чего...

– Да, – коротко ответила Джад и, подумав, добавила: – Здесь много необычного.

– Как и для нашего народа наверху... – подхватила иреназе, всматриваясь в лицо Джад.

И вдруг улыбнулась, словно просияв изнутри. Встряхнула черным облаком волос, откинула его назад, сверкнув кольцами на длинных пальцах.

– Госпожа Джад, в неводе моей учтивости еще много нитей, но как ни взбивай пену, уловом она не станет. Буду ли я прощена, если позволю себе дерзость говорить с вами, как с той, кто многого не знает о нас и нашем мире?

– Я... буду очень благодарна, – осторожно ответила Джад.

– И позвольте мне говорить прямо?

Не спуская с Джад взгляда, наложница принца улыбалась красивыми темно-розовыми губами, явно накрашенными, как и ясные зеленые глаза. Стройная и тонкая в кости, безобидно хрупкая и изящная... Джад снова усмехнулась, на этот раз про себя. Тоненькая канкаруби, покрытая причудливыми яркими узорами – самая красивая змейка в мире, но из капли ее яда готовят смертельную отраву для дюжины человек.

– Буду благодарна, – повторила она вслух. – Прошу вас, госпожа Санлия. Мне действительно не знакомы обычаи вашего народа, и я заранее прошу прощения, если показалась неучливой.

– О, вы очень учтивы...

И снова склоненная набок голова и слишком явная нерешительность в глазах, чтобы быть правдивой... Джад глубоко вдохнула, чувствуя привычное уже покалывание в легких, выдохнула, с трудом вытолкнув плотную, куда тяжелее воздуха, воду. Что она тянет? Перед глазами мелькали нехорошие искры, во рту пересохло...

– Кажется, я действительно не вовремя, – сказала вдруг совсем иным тоном, далеким от недавней жеманной сладости, Санлия, вглядываясь в неё. – Вам нужен лекарь, а не разговор... Вы позволите позвать слуг?

– Да, хорошо бы, – проговорила Джад и, не удержавшись, добавила: – Заодно хоть посмотрю, как это здесь делается... Пора бы кому-то заглянуть.

– Так о вас никто не позаботился? Но принц покинул ваши покои уже давно...

Тонкие, словно кисточкой выписанные брови взлетели вверх в явном изумлении, которое тут же сменилось возмущением.

– О, глубинные боги! – выдохнула Санлия. – И вы молчали!

Оттолкнувшись от пола одним резким движением хвоста, она взмыла над ложем, плеснула хвостовым плавником, разворачиваясь... Джад только сейчас заметила, что одна из перламутровых рыбок, сплетающихся над ложем, выступает из стены слишком сильно, чтобы быть простым барельефом. Санлия нажала на хвост рыбки, двинув его вниз, как обычный рычаг, глянула на Джад.

– Кое-кто получит хорошую трепку за нерадивость, госпожа Джад. Не беспокойтесь, это больше не повторится.

– Ох, – проговорила Джад смущенно. – Не стоит, право... Я не хочу, чтоб у кого-то были неприятности... Прощу вас, госпожа Санлия...

– Ничего такого, что не было бы заслуженным, – усмехнулась старшая наложница. – Слуги есть слуги, их нужно ставить на место сразу, иначе потом намучаетесь.

Она повернулась к двоим девушкам-иреназе, торопливо вплывшим в дверь, что-то бросила негромким властным голосом. Джад, опираясь на низкую спинку постели, молча наблюдала, как вокруг неё начинают суетиться сначала эти двое, потом еще пара хвостатых служанок, словно соткавшихся из воды. Пока одна, почтительно кланяясь, попросила госпожу избраницу принца немного приподняться, другая быстро обтерла её каким-то скользким полотенцем, после чего кожу приятно защипало. Мятую тунику, беспрестанно кланяясь, с неё сдернули, мгновенно заменив новой, под спину и плечи подложили подушки, чтоб удобнее было сидеть. Вторая пара в это время водрузила на кровать принесенный снаружи столик, торопливо расставляя на нем высокие узкогорлые кувшины, запечатанные уже знакомой пленкой, и обычные блюда с какой-то едой. Джад разглядела мелкую рыбу и несколько кусков крупной, раскрытые створки ракушек в гнездах из водорослей, что-то вроде желтых крупных ягод, полоски икры...

– Боюсь, наша пища покажется вам непривычной, – извиняющимся тоном произнесла Санлия, так и сидящая в ногах Джад. – Но людям это есть можно. Если вы предпочитаете остаться в одиночестве...

– Нет, – быстро сказала Джад. – Госпожа Санлия, я не слишком сильна в местном этикете, но не согласитесь ли разделить со мной трапезу? Я бы сочла за честь...

И по мгновенно проскользнувшему в зеленых глазах удовлетворению поняла, что поступила верно. Похоже, её статус при местном дворе все-таки был куда выше, чем у наложницы, пусть и старшей. А может, Санлия просто не сказала еще того, что собиралась – зачем-то ведь она приплыла.

Так что меньше чем через четверть часа Джад, освеженная, переодетая и решительно отказавшаяся от лекаря, потягивала из кувшинчика приятное кисловатое питье. Напившись, она поставила кувшин на столик и увидела, что стоило ей оторвать губы от края кувшина, как это место сразу снова затянулось пленкой. Утолив жажду, что мучила даже сильнее голода, Джад примерилась к куску рыбы, раздумывая, как можно есть под водой... Санлия, все это время лениво покачивающая в пальцах свой кувшинчик, наклонилась к стоявшему между ними блюду, взяла кусочек рыбы и отправила в рот, ловко просунув между губ. Взяла еще один,

снова прихватила губами, медленно, явно напоказ. Съев, опять оперлась на локоть и поднесла к губам сосуд с питьем.

Джиад, копируя её движения, взяла небольшой кусочек розоватого мяса, сунула в рот. Получилось не так уж плохо: немного воды просочилось вместе с едой, но куда меньше, чем она опасалась. Джиад вообще заметила, что вода доставляет куда меньше хлопот, словно её тело окружено незримой защитой, внутри которой море куда ласковее, чем помнилось ей по прошлым временам.

– Очень вкусно, – сказала она, прожевав и поднимая глаза на Санлию, снова просиявшую улыбкой. – Это рыба?

– Почти, – кивнула Санлия. – Сердце миноги. А вот это глаза маару – вы называете их спрутами. Попробуйте...

Она указала на желтые шарики, показавшиеся Джиад ягодами.

– Благодарю, в другой раз, – старательно улыбнулась Джиад, подавляя легкую тошноту. – Я почти сыта...

Она и в самом деле чувствовала приятную тяжесть в желудке, словно питье, принесенное хвостатыми, насытило её, как плотная еда. Подцепила с блюда листик водорослей, рассудив, что зелень она и под водой зелень, не то что всякие глаза, пожевала. Водоросли на вкус были почти как квашеная капуста, разве что немного горчицы, но и горечь показалась приятной. Джиад съела еще листик и поняла, что больше ни кусочка не осилит.

– Это все тинкала, – кивнула Санлия на кувшинчик, что держала в руках. – Она прекрасно восстанавливает силы.

– Тинкала, – повторила Джиад незнакомое слово. – Благодарю, я запомню. Кажется, силы мне понадобятся...

Она усмехнулась, снова откидываясь на гору подушек и вертя в пальцах кувшинчик с тинкалой по примеру Санлии.

– Его высочество очень... настойчив в постели, – невыразительно сказала старшая наложница, глядя почти в глаза Джиад и все-таки слегка мимо. – Он долго ждал вас.

– О да-а-а, – протянула Джиад. – И ждал бы еще дольше, будь моя воля. Госпожа Санлия, я много чего могу сказать о вашем принце, но лучше промолчу. Не годится пачкать застольную беседу такими словами.

Санлия опустила глаза, повела плечом под пышными складками туники... Джиад молча ждала. В конце концов, наложница принца сама хотела разговора.

– Алестар молод, – сказала иреназе мягко и, кажется, сочувствующе. – И он очень не любит людей.

– Я думала, он их толком и не видел, – удивилась Джиад.

– Так и есть.

Санлия тоже откинулась на подушки, задумчиво взглянула на Джиад, поигрывая бусиной на конце косички.

– Госпожа избранная, – сказала она через пару минут молчания, убедившись, что собеседница нарушать его не собирается. – Большая часть того, что я могу сказать вам, это не тайна. Обычный разговор между подругами без лишних ушей. Но вы же понимаете...

– Понимаю, – отозвалась Джиад. – Госпожа Санлия, поверьте, я очень благодарна вам за... дружбу.

– Дружбу... – эхом откликнулась Санлия, поднимая на неё холодную зелень глаз. – О, госпожа Джиад... Вам, избранной принца, дружить с наложницей? Это незаслуженная честь для меня.

– Думаю, это честь для меня, – медленно сказала Джиад, возвращая иреназе мягкий настороженный взгляд, словно перед поединком. – Я не избранная принца, и мы обе прекрасно это знаем. Стоит вашим целителям найти способ разорвать эту... это...

– Связь, – коротко подсказала Санлия.

– Да, связь! Стоит им ее разорвать, и мы оба будем счастливы больше никогда не видеть друг друга. Лишь бы это случилось поскорее!

– Судьбу и улов не узнаешь заранее, – пожала плечами Санлия. – Может, и так... Госпожа Джад, прошу, не ищите во мне врага. Кто бы ни занял место рядом с принцем, я-то его все равно потеряю. Уже сейчас Алестар приходит ко мне только по привычке, тело влечет его к вам. Приплывет принцесса Маритэль – для меня ничего не изменится.

Она говорила спокойно, но, как показалось Джад, с едва уловимым оттенком горечи. Что ж, это было более чем понятно: похоже, после запечатления наложницы становятся не нужны, а можно представить, как принц обходится с тем, что ему не нужно.

– Я понимаю, – сказала Джад, лишь бы сказать что-нибудь. – Поверьте, госпожа Санлия, если бы я могла отдать вам эту... честь...

– Вы бы отдали, – кивнула Санлия. – Да, я знаю. Я знаю принца, госпожа Джад. Он бывает нежным и великодушным, если все идет согласно его желаниям, но... Алестару не за что любить людей.

– Почему? – тихо спросила Джад. – Я никому не передам ваши слова, клянусь. Я лишь хочу понять...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.